

18+

Паратиков Павел

Шаг на пути к небу

Роман

Паратиков Павел

Шаг на пути к небу. Роман

«Издательские решения»

Павел П.

Шаг на пути к небу. Роман / П. Павел — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856339-3

В XX веке казачий народ пережил страшнейший геноцид, потеряв свои земли, культуру, язык, и само своё существование. Роман повествует о семье сибирских казаков, на долю которых выпали тяжелейшие испытания. Вынеся на своих плечах три войны, они смогли сохранить для потомков частичку своей культуры и веры. Заплатив за победу над фашизмом сотнями тысяч своих жизней, казаки долгое время оставались в забвении. И лишь спустя 70 лет мы можем снять покрывало забвения с героев, имя которым КАЗАКИ.

ISBN 978-5-44-856339-3

© Павел П.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	23
ГЛАВА 5	27
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	41
Глава 9	48
Глава 10	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Шаг на пути к небу

Роман

Паратиков Павел

© Паратиков Павел, 2022

ISBN 978-5-4485-6339-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Двадцатый век ознаменовался для нашей страны многими драматическими событиями. Первая мировая война, унесшая миллионы человеческих жизней, сменилась страшной в истории, братоубийственной гражданской войной. Террор, репрессии, раскулачивание, казни, расстрелы, ссылки и каторги ввергли в животный страх население страны. Сотни тысяч сынов и дочерей своего Отечества были вынуждены покинуть Родину, и выживать на чужбине.

Не успев залечить душевные и физические раны, наша страна подверглась ещё более суровому испытанию. Мы дали бой фашизму. И этот бой стоил нам десятков миллионов человеческих жизней.

Для казачьего же народа двадцатый век начался с жесточайшего и анти человеческого геноцида. В 1919 году, Яков Свердлов в своём декрете сказал: «Казачество подлежит поголовному, физическому уничтожению, так как является единственной частью русского мира, способной к самоорганизации». По казачьим территориям прокатилась волна истребительного террора. Уничтожались под корень целые рода. Казачий народ, вследствие геноцида, потерял миллионы своих сыновей и дочерей. Само его существование было под угрозой. Выжившие были вынуждены менять фамилии, покидать родные места, уходя на чужбину, ассимилироваться в другие народы, забывая свою культуру и язык. Генетическая память казаков по сей день хранит всю ту боль и ужас.

Перед началом Великой Отечественной Войны об убиенном и поруганном казачьем народе вспомнили советские власти. В 1936 году начали формироваться казачьи кавалерийские дивизии. В 1941 году, казаки, оставив за скобками всё то горе и обиду, которые им нанесла советская власть, встали на защиту Родины вместе со всей страной, в рядах Красной армии, руками которой ещё совсем недавно их народ истребляли. Но, несмотря на то, что казачий народ принял активнейшее участие в деле победы над фашизмом, его подвиг тщательно стёрли из памяти. Казакам досталось от великой победы лишь участие кубанской коробки в параде, песни «Едут по Берлину казаки», и «Атаки под станицей Кущёвской» на полотнах художников. Сегодня мало кто знает имена казаков – героев Советского Союза, имена славных сынов казачьего народа, которые своими подвигами добыли славу на поле брани, расплатившись с врагом своими жизнями. Малоизвестно и о том, что многие кавалерийские части формировались в казачьих регионах. Помимо Кубанских и Донских казачьих кавалерийских дивизий и корпусов, которые комплектовались кубанскими, донскими и терскими казаками, кавкорпуса формировались во всех казачьих землях. В частности, более десяти кавдивизий было укомплектовано уральскими и оренбургскими казаками. Сибирские, забайкальские, амурские и уссурийские казаки участвовали в формировании семи кавалерийских дивизий, и двадцать первого запасного кавалерийского полка Забайкальского военного округа.

В июле 1942 года, в составе восьмого кавалерийского корпуса, была сформирована семьдесят третья кавдивизия, состав которой на 75% состоял из сибирских казаков. Уссурийские казаки воевали в составе седьмой Дальневосточной кавдивизии на Центральном фронте. Восьмая Дальневосточная гвардейская кавдивизия зимой 1942 года принимала участие в обороне Москвы. Пятнадцати казакам корпуса было присвоено звание героя Советского Союза. Более того, донским казачьим кавалерийским дивизиям, в уставной форме одежды был предусмотрен красный лампас, которым донцы очень гордились. Ведь совсем недавно с них сдирали лампасы вместе с кожей. Именно поэтому ношение казачьего красного лампаса во время Великой Отечественной Войны было символом того, что казаки всё-таки пережили геноцид, и поднимают голову из пепла. Помимо кавдивизий, казаки воевали на всех фронтах, и на земле, и в воздухе, и на море, но в отличие от тех, кто сражался в обычных частях и числился красноармейцем, на общих основаниях, казаки, которые служили в кавдивизиях, числились именно казаками.

Документальные хроники и фото военных лет с участием казаков, долгое время были засекречены. В послевоенное время, операторам и фотографам, которые обнародуют материалы с участием казаков, грозила десятилетняя каторга. Негативы и видеоплёнка попросту уничтожались, «от греха подальше». Но всё же уничтожили не всё, и в наше время, спустя семьдесят лет после победы, фото и видеохроники военных лет с участием казаков, обнародованы. Сегодня мы можем взглянуть в лица тех, кто, отдав жизнь за Отечество, остался в забвении.

Казакам, которые вытянули на своих плечах три войны и пережили геноцид, сохранив для своих потомков свой народ, культуру и Веру Христову, посвящается этот роман.

Глава 1

Каждый наш прожитый день на земле, это один шаг на пути к небу.

По пыльной, просёлочной дороге, под нещадно палящим июльским солнцем, устало брёл путник. По всему было видно, что идёт он уже долго. Запинаясь от усталости, человек поднимал клубы дорожной пыли, которая оседала на его старые потёртые сапоги, с давно уже сбитыми каблуками. Старенькая, выцветшая рубаха, мокрая от пота, была наполовину растёгнута, и из-под неё виднелся самодельный нательный крестик, похоже, вырезанный из консервной банки. На ходу скинув со спины полупустой вещмешок, он достал из него алюминиевую фляжку. Немного взболтнув её возле уха, путник отвинтил крышку, и, высоко закинув голову, допил остатки тёплой, противной воды. Тяжело выдохнув, он закинул фляжку обратно, и, вернув вещмешок на спину, продолжил свой путь. Извилистая просёлочная дорога, петляя между пахотными клетками, уходила за горизонт. Поля, покрытые бархатисто-зелёным ковром, перекатывались волнами на горячем ветру. Вдали, с обеих сторон, виднелись берёзовые просеки, вперемешку с вековыми соснами. Всё это было до боли знакомо, и от того щемило сердце.

Всматриваясь в горизонт, уставший путник вспоминал, как по этой самой дороге, его, Матвея Семёновича Бандурина, двадцатичетырёхлетнего молодого хорунжия сибирского казачьего войска, увозили далеко и надолго. За участие в белогвардейском сопротивлении, он был осужден на тринадцать лет, без права переписки. В двадцатом году, оставив на родителей молодую жену и трёхлетнего сына, Матвей покинул родную станицу. И вот сейчас, спустя тринадцать лет, он идёт по этой пыльной, до боли знакомой дороге. В памяти всплывали картинки из детства. Вот он со старшими братьями, несётся по этой дороге, пуская своего коня во весь опор. Они часто устраивали со станичными ребятами скачки наперегонки. Глотая на огромной скорости свежий воздух полной грудью, ватаги казачат выясняли, кто быстрее. Вот батька ласково треплет его своей могучей жилистой рукой за чернявый чуб.

– Добре сынку, добре! Толь на реку коня не ведь, покуда горящий, а то неровён час, подпалишь.

Здесь, на родной земле, память воспроизвела батькин голос с невероятной точностью. Его особый, сибирский говор зазвучал в сердце, трогая минорные нотки души.

«А лицо? Батино лицо?» – промелькнула мысль. Его лицо было каким-то размытым и нечётким. «А матушка?» Он хорошо помнил мамины натруженные, но в то же время очень нежные руки. «Но их лица». Почему то память не могла их нарисовать. «Какими они стали? Ведь столько лет прошло». Бурлящий поток мыслей кипел в голове, сменяя друг друга. Матвей часто вспоминал в лагере родных. Но тринадцать лет он не слышал их голосов, не видел их лиц, не прикасался к ним. Ни одной строчки за всё это время из дома, ни одной весточки.

«Как там Сеньша мой? Вырос пади ужо. Эт сколь жа яму?» Бандурин шёл, подсчитывая возраст сына. Мысли о доме и родных придавали сил, и коротали дорогу. «Так, в двадцатом годе яму було три, зараз у нас тридцать третий. Эт яму ужо шашнадцать годьев. Цельный казак ужо. Диду наверноть с яво доброго казака взростил.» На загорелом, щетинистом лице Матвея выплыла улыбка. Он долго шёл, погрузившись в свои воспоминания, и всё это время она не сходила с его уст.

Вслед за сыном, всплыл образ жены. Обвенчавшись в 1916 году в станичной церкви, буквально через три месяца, молодого и перспективного хорунжия забирают на германский фронт. Вскоре, из письма он узнает о рождении сына. В общем-то, на этом его семейное счастье и закончилось. Одна война сразу же сменилась другой, более жестокой и страшной. Сибирское

казачье войско практически в полном составе не приняло революции и нового большевистского правительства. Сибирцы до конца дрались за веру в свои идеалы. Когда стало очевидно, что дальнейшее сопротивление потеряло всякий смысл, казаки сложили оружие. Многие эмигрировали за границу, кто-то остался на родине, поверив в обещанную амнистию. В двадцатом году, Матвей вернулся домой. Но и в этот раз не успел он насладиться семейной жизнью с молодой женой, через неделю за ним пришли. И вот сейчас, искупив свою вину перед советским государством, с чистой совестью, Бандурин шёл домой, где все эти годы его ждала любимая казачка.

«А можа и не ждёт вовсе Евдокиюшка моя?» – пролетела холодящая мысль. «Можа схоронила давно, да замуж подалась?»

«А ежели и подалась, не осужу», – продолжал он размышлять сам с собой. «Пади не сладко бабе-то всеиную жизнь одной коротать. Господи, лишь бы живы – здоровы все были». Бандурин перекрестился, и, достав из-под рубахи жестяной крестик, поцеловал его.

Погрузившись в свои мысли и воспоминания, Матвей не заметил, как его догнала бричка. Только когда стук лошадиных копыт раздался практически за спиной, он сделал шаг в сторону и обернулся.

– Здорово жавётя, мил человек, – крикнул извозчик, натягивая вожжи одной рукой и останавливая коня.

– Слава Богу, жавём поманеньку, – ответил Бандурин, вглядываясь в лицо подъехавшего.

В его голосе, улыбке и манере узнавался его старый приятель Петро Башкин. Их дом был на соседней улице, с высокой и ветвистой яблоней у самых ворот. Память моментально выдала картинку из далёкого прошлого.

– Чьих будятя мил человек, кудой путь держатя? – продолжал интересоваться неожиданный попутчик, опустив поводья и сдвинув папаху на самый затылок.

– Э брат, по всему видноть долго жить буду, коли старый друзьячэк не признал, – улыбнулся Бандурин.

– Погодь-ка, погодь-ка, – ездовой спрыгнул с брички, и поглаживая свою чёрную, курчавую бороду, уставился на путника.

– Никак Бандурин Матвей, – получше приглядевшись, предположил он.

– Матвей Семёныч, ты чи ни?

– Я, брат Петро, я.

– Матерь Божья, Матвей Семёныч, живой, а мы то – уж и не надеялись, мы-то уж думали всё, сгинул казак. А ен живой.

Петро сделал шаг и обнял старого друга. Бандурин тоже обнял его, ощутив, что на месте левой руки пустой рукав. Из чувства такта он не стал об этом спрашивать.

– Господи Иисусе, – не мог угомониться Башкин, – Как же енто? Живой. А мы и не надеялись. Седай зараз в бричку, друже, вот дядька Семён обрадуется.

Они запрыгнули в телегу, и Петро, подхватив вожжи одной рукой, стеганул ими коня.

– Но, пшёл.

– Как там мои Петруха, все ли живы – здоровы? – усаживаясь поудобней на соломенную подстилку, спросил Матвей.

– Да навродя слава Богу всё. Дядька Семён, с тёткой Марией ешо нас усих пережавуть. Братец твой меньший Андрийка, ужо троих дятёв народил. Кады табе забирали, ен-то вообще ешо мальцом был, а таперича добрый казак вышел. Сеньку тваво, дядька Семён растить аки полагаитси, по – казачьи. Лихой казак из сына тваво будя. Петро вдруг прервал повествование о его сыне, и замолчал. Матвей, в ожидании продолжения глядел на него.

– Пошто ж ты про Евдокию молчишь, как вона?

Башкин поёжился от того, как Бандурин на него взглянул.

– Схоронили Евдокию в позапрошлом годе. Он немного помолчал и опять продолжил. – Захворала вона дюже. Батьки твои ходили за ёй, да не выходили. Так, на станичном погосте, рядом с братушками твоими и положили яё. У Матвея защемило сердце.

– Ждала вона тебя всю жизнь, – продолжил Петро, – верно ждала, ни с кем не жонихалась. До конца верила що ты вернёси. Да видно не дал Бог дожидаться.

– Да, видно не дал Бог, – повторил Матвей слова Петра.

– А вон гляди, и станица ужо паказалася, – попытался сымитировать радость Башкин, чтобы увести разговор в другое русло.

– А щё енто колоколенки нашей не видно? – всматриваясь в появляющиеся на горизонте контуры станицы, поинтересовался Бандурин. – Навроде с енто места её должно быть видно.

– Да, должно быть, да токмо не увидишь ты яё боле, не гляди, – Петро вздохнул. – Поругали яё. Так сказать не вписалась в концепцию новой, светлой жизни. А из церкви нашей сделали овощной склад. Так, мол, от её боле пользы казакам будя. Башкин плюнул. – Тьфу, бисово отродие.

Бандурин ехал молча, слушая исповедь товарища.

– Ой накупело, Матвей Семёныч, ой накупело. В нонешний год, у нас всё зерно, до последней капли, выгребли. Нам по весне сеять нечем було. Казаки по всем сусекам пособирали остатки картохи, кою на еду оставляли, да репу посеяли, что бы зимой вообще зубы на полку не положить. Петро выругался.

– Глазки картофельные садили не знаю, уродится чи ни. По всему видно будет, зима голодной будет.

– Ну как-нибудь сдюжим, с Божьей помощью, – натянув улыбку выдавил Бандурин.

– Сдюжим, – согласился Петро, – кудой ж деваться, не в петлю ж лезть. Немного помолчав, он продолжил.

– Постреляли нашего брата казака, да повешали добро. А кого не постреляли да не повешали, того по лагерям распихали. А зараз ещё и работать не дают, на прокорм себе. Башкин притянул вожжи и замедлил ход.

– В тридцатом годе Кондратий с лагерей воротилси, до него Афоня с Поликашкой Черняевы, да ещё с десятка казаков, кои в офицерьях ходили. Настоятель наш, отец Вячеслав, тожа пять лет отсидел. Зараз в кузницах ходить.

Бандурин знал всех, о ком говорил Петро. В памяти всплывали их лица, какие-то эпизоды из жизни и совместной службы.

– Меня вот Бог миловал, – продолжал Башкин. – Поранили меня шибко под Тюменью. Руку так в госпитале и оттыпали. Это и спасло меня. Я им такой убогий нестрашон показалси. А так, почитай, всех, хто в офицерьях ходил, во враги народа записали. Казачков простых помиловали, да и то выборочно. Да стариков оставили в покое. Ну и вот таких вот как я, поранетых.

Было видно, что всё это, до сих пор кровоточило в сердце у Петра, и приносило ему неизменно боль.

Бандурин слушал его молча, понимая, что гражданская война до сих пор продолжает разрушать человеческие жизни, и когда это всё закончится, одному Богу известно.

– У нас почитай пол станицы мужиками заселили, – продолжал изливать накупевшее Петро. – Колхозы мы тяперича строим. Своего нечёго нет, всё общее. Мне щоба сына на коня посадить, пришлось выбракованную кобылу в колхозе брать в аренду, под запись. Хде енто видано такое, щоба коня казаку под запись выдавали, аки в ломбарде? Вот так и живём, брат Матвей, так и живём.

Между тем они въехали в станицу. У Бандурина застучало сердце. «Как давно я об этом мечтал» – подумал он, ничего не сказав. Он смотрел по сторонам, наслаждаясь видом своей малой Родины.

– А как семья полковника Беляева? – поинтересовался он, проезжая мимо их дома.

– Полковника осудили, о его судьбе ничего не известно. А Настасья, старшая его доня, мать давно уж схоронила. Одна растит двоих меньших братьёв.

Матвей долго смотрел на их калитку, пока она не скрылась за поворотом.

– Вот друже, на твою улицу въезжаем. Ох, зараз батьки обрадуются, – заулыбался в бороду Башкин.

У Бандурина сердце забилося ещё сильнее. Они остановились, подъехав к дому с затворёнными ставнями. Матвей обратил на них внимание. «Наверное, матушка закрыла их, когда полуденное солнце стало нагревать хату» – подумал он.

Петро спрыгнул с брички, и быстро привязал коня к забору.

– Братец, дозвожь мне быть добрым вестником? Обрадую твоих, – не дожидаясь ответа, он юркнул в калитку. Матвей пошёл следом.

Войдя во двор, он встал на колени, и поцеловав землю, трижды перекрестился.

– Слава Тебе Господи, добралси, – прошептал он еле слышно.

Петро не вошёл, а влетел в дом. У окна, на лавке сидел Семён Евсеевич, глава семейства Бандуриных. Перед ним на колодку был натянута сапог. Хозяин, аккуратно и не спеша, подбивал стёртые каблуки. Мария Тимофеевна, его жена, со снохой Варварой, расположились вокруг большой корзины, наполненной разными грибами. Они ловко нанизывали их на верёвочки и развешивали на окна, для сушки. На полу, посреди комнаты, играли двое ребятешек.

– Здорово дневали, часныя казаки и казачки, – перекрестившись и поклонившись в пол, поприветствовал их Башкин.

– Да слава Богу, – практически в один голос отозвались присутствующие, обернувшись на него.

– Сам то, как жавёшь Пятруша, – оторвавшись от своего занятого дела, полюбопытствовал Семён Евсеевич. – Що енто ты светиси, аки пасхальное яичко? Али праздник какой нынча?

– Ой, праздник дядька Сямён, ох и праздник, всем праздникам праздник, – с припевкой в голосе выплёскивал свою неподдельную радость Петро, как бы предугадывая те чувства, которые через мгновение испытают родители, обрявшие воскресшего сына.

– Ну, гутарь, не томи, порадуемси с тобой, – глядя на Петра, сказал заинтригованный Семён Евсеевич.

Женщины, с лёгким недоумением, остановив своё занятие, тоже уставились на сияющего гостя. В это время на пороге появился Матвей. В комнате на мгновение зависла звенящая тишина.

– Сынок, – на выдохе, истошно прохрипела мать. Какой – то невероятный спазм охватил её тело.

– Сынок мой родненький, – захлёбываясь от подкатывающейся истерики, она рванулась к нему, и прижалась к груди. Слёзы хлынули из её глаз. Женщина обняла сына, прижимаясь к нему, не в состоянии больше сказать ни слова.

Отец, поднявшись со своего рабочего места, не мог шелохнуться от неожиданности. Кровь хлынула к вискам, лицо налилось багрянцем.

– Матвеюшка, ты ли енто? – приходя в себя, произнёс он. Матвей, еле сдерживая слёзы, посмотрел на отца.

– Я, батя.

Семён Евсеевич сделал несколько больших шагов, и оказался рядом с сыном. Обхватив его затылок своей могучей ладонью, он прижал его голову к своему плечу. Варвара, не поднимаясь, наблюдала за происходящим. Ребятишки притаились, не понимая, что происходит. Петро, украдкой, то и дело смахивал слёзы, предательски выступающие на глазах.

Неожиданно, Мария Тимофеевна рванула к большому сундуку, стоящему возле печи. Открыв крышку, и выкинув из него несколько тряпок, она достала старенькую, в резной оправе иконку.

– Уберегла, Царица Небесная. Уберегла сыночка, Заступница наша – женщина перекрестилась и поцеловала образ Пресвятой Богородицы, вытирая заплаканное лицо кончиками платка, упавшего с головы на плечи.

– Кажную ночь просила защиты у Заступницы Небесной, и услышал Господь, – всхлипывала она.

Мария Тимофеевна поднесла икону мужу. Он, перекрестившись, поцеловал её.

– Милостив Господь нынче к нам мать, Слава Тебе, Господи.

Перекрестив себя и сына, он ещё раз поцеловал святой образ. Матвей сделал тоже самое. За ним повторил Петро и Варвара.

– Ну что же мы на пороге, садитесь за стол, – захлопотала мать, ставя икону на полочку опустевшей божницы. Время от времени, по домам ходили патрули, и изымали у казаков иконы и распятия. Дескать, неча религией себе голову задурять.

– Варюшка, подавай на стол, казаки с дороги знать оголодали, – по-отечески мягко командовал Семён Евсеевич.

Все стали усаживаться за стол.

– А Сеньша то с Андрейкой рыбалят, – опомнилась мать, и выбежала во двор.

– Даша, Даш, – крикнула она через соседский забор.

– Что, баб Маш? – отозвалась девушка с длинной, чёрной как смоль косой, и большими голубыми глазами.

– Дашенька, миленькая, сбегай на реку. Там Андрейка наш с Сенькой рыбалить пошли. Скажи щоба домой бёгли. Скажи, зараз Сенькин батька домой возвраталси.

– Я мигом баб Маш, я мигом.

– Постой.

Девушка обернулась.

– Батьку сваво покличь, пусчай зараз придёт. Девушка забежала в дом, кликнула отца, и со всех ног понеслась к реке.

– Спаси Христос, – поблагодарила её в след Мария Тимофеевна, и вернулась в дом.

Дашин отец, Григорий Метелин, для Семёна Евсеевича и Марии Тимофеевны был как сын. В 1915 году, он, с тремя товарищами, привёз с германского фронта тело их погибшего старшего сына. Там, на фронте, казаки – одностаничники пообещали друг другу, что если кто погибнет, не хоронить товарища на чужбине, а возвратить домой. Да положить в родную землю, рядом с прадедами.

В начале февраля 1915 года, Кирьян Семёнович Бандурин погиб в конной атаке. Григорий с товарищами выхлопотали отпуск, чтобы отвезти тело друга родным. Командование пошло им на встречу. Хорошо служили казаки, чем и вызвали к себе расположение начальства. Две недели добирались они с гробом до дома. Сложным и долгим был их путь, но обещание данное товарищу они выполнили, похоронив его на станичном погосте. После этого случая, Семён Евсеевич считал всех четверых своими сыновьями, и относился к ним соответствующе. Гражданскую войну пережил только Григорий.

– Здорово жавётя, станишняя. Через несколько минут Гриша стоял на пороге.

– Слава Богу, Григорий Митрофаныч, слава Богу! – вставая и подавая руку для приветствия, ответил Семён Евсеевич.

– Проходь. Поглянь, радость то у нас кака велика.

Матвей встал из-за стола и они обнялись.

– Слава Богу, Матвеюшка, слава Богу, – не разжимая объятий, прошептал Григорий. – Возвращаются казаки-то, не всех извели, стало быть, а Сямён Явсеич? – произнёс он уже в полный голос.

– Господь милостив, слава Тебе Господи, – взглянув на вновь поставленную икону, перекрестился отец.

– Нету переводу казацкому роду, – добавил он и убежал в соседнюю комнату.

Через некоторое время, Семён Евсеевич вышел в шальварах с красными лампасами и двумя георгиевскими крестами на рубахе.

– Не извядуться казаки вовек, – гордо, и торжественно, как на параде, отчеканил он.

Разжав большую ладонь, отец протянул георгиевский крест сыну.

– Вот Матвей Семёныч, и твой крест сберёг. Надень за-ради праздника. Он прицепил орден на мокрую от пота рубаху сына.

Через некоторое время прибежали запыхавшиеся рыбаки.

– Братушка, – кинулся с объятьями Андрей к старшему брату. – Живой, здоровый, вот это радость, – он с трудом переводил сбитое дыхание.

– Сынка ж вот твой, – Андрей отошёл в сторону, Арсений стоял позади.

– Здоров, батя. Они, обнявшись, долго стояли, не говоря ни слова. – Жаль, что мама тебя не дождалась. Померла. Парень заплакал в плечо отца, которого видел в первый раз в жизни, но которого так любил и ждал.

– Она там у Господа зараз радуется, и молится о нас. Всё таперича будет хорошо, не переживай.

Мария Тимофеевна, только вроде успокоившись, опять начала всхлипывать, и утирать слёзы платком.

Ещё несколько минут отец с сыном молча постояли, обнявшись.

– Ну, пойдём сынок, за стол, – выпуская парня из объятий, прошептал Матвей. – А то я почитаю уж дня два как не ел.

– Пойдём, пойдём, батя, – согласился Арсений, и они сели за стол, на котором в центре стоял казанок с картошкой и грибами. Все молча жевали, по – очереди ныряя в него ложками, то и дело поглядывая на Матвея.

– Ну как ты там сынок, жил-то всё енто время? – нарушил тишину Семён Евсеевич.

– Да дай хоть поесть сыну, – попыталась вмешаться жена, но он осадил её строгим взглядом, дав понять, что не стоит перебивать его, ещё и на людях. Без лишних слов она всё поняла.

– Да как жил батя, по-разному бывало, – дожевывая, ответил Матвей. – В основном с конями всю дорогу. Может енто и спасло. Он положил ложку на стол.

– Круглый год лес валили. Мужиков понадорвалось да поумирало много, а казаки то лошатники знатные. Мы всё больше с лошадьми. Вывозили лес в основном, да на конюшнях работали. Так Бог и миловал. Он перекрестился. За ним повторили все.

– Слава Тебе Господи, – прошептала мать.

– Из наших станичников, со мной всю дорогу полковник Беляев был. В двадцать восьмом годе помер он. Матвей помолчал. – Убили его, – добавил он вздохнув.

Помолчав ещё немного, воспроизводя в памяти те события, он продолжил.

– Тот год голодно у нас было. Пайки урезали, приказали пояса затянуть. Кризис какой —то у их там образовался с поставками продовольствия в лагерь. Казаки на конюшне овсом маленько подкреплялись, а мужикам на делянке вообще голодно было. Михал Кузьмич очередной рейс леса вывозил. Оголодавшие мужики хотели коней евойных порезать да поесть. Когда охрана на шум прибежала, он уже порубанный топорами лежал. Матвей опять остановился и задумался.

– Жизнь положил, а коней уберёт казак. Этих прям там и постреляли, когда они на конвойных с топорами кинулись, а его конюшни привезли. У меня на руках и отошёл. Царствие ему небесное. Все опять перекрестились.

– Перед смертью наказал мне, как вернусь, за семьёй его приглядеть. Надоть на днях наведаться к ним, рассказать про батьку. А то ещё ждуть поди. Матвей посмотрел на отца.

– Ой, бяда, – вздохнул Семён Евсеевич. – Прасковью Лякеевну уж лет семь как схоронили. Настасья одна двоих братьев тянет. Всем миром помогаем, кто чем может. А батьку они ждали, ох как ждали. Отымишь ты у их надежду. Отец покачал головой. – Но и не сказать нельзя. Надоть, щоб знали.

– Ну, спаси Христос за угощения. Матвей встал из-за стола. – Разрешите прилечь, отдохнуть. Чую, сил уже совсем не остаётся, надоть поспать малость.

– Ой, – конечно, конечно, сынок, приляг отдыхать, я постелю. Мать быстро юркнула в спальню. Матвей пошёл за ней. Мария Тимофеевна, организовала постель. Он сел на кровать, стянул сапоги с тяжёлых ног, снял свою грязную и мокрую от пота рубаху, с прицепленным отцом «егорием», и посмотрел на мать.

– Спаси Христос мамань, що дождались. Женщина опять не сдержала слёз. Встав на колени перед сидящим на кровати сыном, она обняла его ноги.

– Тебе спасибо, що возверталси, сынок. Он положил свои руки ей на голову, и они просидели так несколько минут.

– Ну, всё мам, я выключаюсь, – заваливаясь на кровать, уже в полудрёме, пробормотал Матвей. Она помогла ему закинуть ноги, поцеловала его, и вышла из комнаты. Бандурин, лежал несколько минут, глядя в потолок засыпающими глазами. И с не сходящей с лица улыбкой провалился в глубокий сон.

Глава 2

Проснулся Матвей ближе к полудню. Рядом с кроватью, на стуле, лежали аккуратно сложенные его рубаха и штаны. Всё было выстирано и накрахмалено. Под стулом стояли начищенные сапоги, накрытые свежими портянками. Он оделся и вышел из комнаты. Дома никого не было. С улицы доносились голоса играющих детей. Матвей вышел во двор. На крыльце резвились Андрейкины сыновья. Они то заскакивали, то соскакивали с нижней ступеньки, соревнуясь, кто дальше прыгнет.

– Здорово жавётя, казаки! – прервал он их соревнования.

– Свава Богу! – ответили мальцы в один голос, не отрываясь от своего важного занятия.

– А куды ж все подевались-то? – поинтересовался Матвей у племянников.

– Все на лаботе, – ответил тот, кто постарше. – А бабушка в оголод пошва.

– А, ну понятно. Он вдруг вспомнил, что вчера, даже не познакомился с ребяtnей.

– Как же звать-то вас, казаки, – спускаясь по лестнице, и садясь на нижнюю ступеньку, поинтересовался дядька, – давайте знакомиться, что ли?

– Василь Андреевич Бандуин, – старательно выговорил старшой, съедая буквы. – А енто блатик мой, Федька.

– И сколь же вам годьев то, братья Бандурины?

– Читыли, – показывая четыре пальца на руке, гордо заявил Василий. – А Федьке тли.

Он протянул вторую руку, с отогнутыми тремя пальцами.

Фёдор продолжал своё занятие по прыжкам в длину со ступеньки, не обращая внимания на разговаривающих.

– А ты Сенькин батька, я знаю. И блатик маво батьки, – с умным видом выдал Вася.

– Эт ты верно подметил, дружище, – Матвей потрепал его за чуб.

На крыльце появилась Мария Тимофеевна, с пучком зелёного лука в руке.

– Ой, проснулся ужо, сынок? Ну как ночевал? Выспалси, отдохнул? – затараторила она в своей манере, как клушка кудахчет возле своих цыплят.

– Да, слава Богу, отдохнул, как заново народилси.

– Ну, айда за стол, сынок, вон, пойди умойси. Мать показала на бочку с водой, стоящую на углу дома. – Ковшик там, рядом, на гвоздике.

– А ну, казаки, пойдём, подсобите. Матвей встал со ступеньки, подняв на руки обоих племянников, и прошёл к бочке.

– Давай Васятка, поливай на голову. Зачерпнув ковшом воды, он протянул его мальчугану.

Женщина накрывала на стол, когда сын с внуками завалились в дом. Мокрые по уши, они шумно резвились.

– А ну, окаянныя, сидайте, хватайте ложки, – улыбаясь, прикрикнула она на них.

Они уселись за стол, продолжая хихикать и толкаться, заведённые водными процедурами.

– А ну-ка, – Мария Тимофеевна строго взглянула на внучат. – Как надоть вести сабе за столом? Ребятишки притихли.

Матвей сделал жест глазами, и мимикой лица дал понять, что бабушка права. Он сидел, глядя на этих мокрых сорванцов, и думал, сколько же в нём нерастраченной отцовской любви, которую ему нужно, просто жизненно необходимо на кого – то излить.

– Отец зараз с утра, к председателю ходил, – присаживаясь рядом, начала мать. – Гутарил на счёт работы для табе в колхозе. Хотять табе пастухом определить. У нас ноняшний год, в колхозе, почитай, около тысячи голов дойных. Пастухов не хватаить.

– Ну, пастухом, так пастухом. Я мамань, любой работе буду рад, главное що дома.

– Надоть тебе зараз, али завтрава, в сельсовет сходить, на учёт встать.

– А що тянуть то, зараз и схожу. Толь в начале, до погосту пройдуся. Поклонюся, да поздоровкаюся. А сельсовет то хде нанча?

– Да в станичном правлении и есть.

– Ну, тады не заплугаю.

Матвей встал из-за стола, и поклонился. – Спаси Господи за хлеб, за соль.

– Та на здоровье, сынок. На здоровье.

– Пойду я пройдуся, а вы, слушайте бабушку, – обращаясь к племянникам, улыбнулся Бандурин.

– Дядька Матвей, мозьно зараз с тобой? – запросились мальчишки.

– Нет, казаки, давайте вы на хозяйстве, а мне нужно одному пройтись. Он застегнул ремень и вышел.

Память не подвела. Матвей без труда нашёл могилы родных. Недалеко друг от друга, стояли пять крестов, возвышающиеся над небольшими холмиками. Он встал перед ними на колени.

– Ну, вот я и дошёл до вас, мои дорогие.

Перекрестившись, Матвей дотронулся лбом до земли, горячей от палящего солнца. Вокруг стояла звенящая тишина. Только невидимые сверчки нестройно играли на своих скрипках, и разноцветные стрекозы летали на – перегонки с бабочками. Он поднялся, и подошёл к крайнему кресту.

– Бандурина Евдокия Трофимовна. Родилась в 1899, померла в 1931, – прочитал Матвей вслух.

– Прости, Евдокиюшка моя любимая, не успел я. Тринадцать лет ждал я нашей встречи, а вон оно как довелось встренуться. Он присел на корточки, и положил руки на холмик, обнимая его.

– Сколь годьев думал о тебе, мечтал сжать в своих объятьях, расцеловать, а осталось толь землю сухую обнять. Матвей шептал слова, которые хотел сказать жене при встрече, лёжа на её могилке. Глаза наполнились скупыми слезами.

– Ну, ты не беспокойся за сына, милая, всё будет хорошо. Спи спокойно моя любушка. Бог даст, свидимся ещё.

Погрузившись в воспоминания, Матвей, посидев некоторое время у могилы жены, откланялся, и подошёл к братьям.

– Бандурин Кирьян Семёнович, родился в 1890, помер в 1915. Бандурин Савелий Семёнович, родился в 1893, помер в 1918, – прочитал он опять вслух, надписи на крестах.

Память начала рисовать картинки из прошлого. Вот, они с братьями, бегают босяком по лужам. Вот, батька порет их за проказы. Вот, они, сверкая лампасами, на конях мчатся по степи. А вот, он уже провожает старших братьев на службу.

Картинки из детства, сменились слезами матери, рыдающей над телами убитых сыновей. Бело – синее, задубевшее лицо Кирьяна, две недели болтающегося в гробе, на пути с фронта до дому. Порубанное тело Савелия, привезённое казаками на бричке, летом восемнадцатого, которые и рассказали семье, как геройски сложил голову их сын, в борьбе с большевиками.

– Простите, братушки, Христа ради, за всё. Он трижды перекрестился, и поклонился до земли.

– Герои вы мои дорогия. Матвей сделал шаг, и, оказавшись между крестами, положил на них руки, как бы обняв братьев за плечи.

– Пускай земля вам будет пухом, братушки. Царствие вам Небесное и вечная память. Ну, а мы, с Андрейкой меньшим, и за себя и за вас постараемся жить.

Отойдя от них, он подошёл к крестам, где были похоронены его дед и бабушка. Их Матвей не помнил. Бабушка умерла ещё до его рождения, а дед, когда ему было два года. Старшие

брatья хорошо помнили деда, особенно эпизод посадки на коня. В детстве, они часто вспоминали, как в три года, отец с дедом сажали их на коня, по старинному казачьему обычаю. Матвей же уже не застал его, и этот обряд отец совершал один.

Постояв у родных могил ещё минут пятнадцать, придаваясь воспоминаниям, он попрощался с ними, и, откланявшись, пошёл в станицу.

На пороге сельсовета, на него наскочила девушка, спешно выбегающая из дверей.

– Ой, извините, пожалуйста, – поднимая на Бандурина большие, карие глаза, повинулась она за свою неуклюжесть.

– Да ничего страшного, бывает, – отреагировал он с улыбкой, на её извинения. – Ты сама – то не зашиблись?

В этот момент, из двери появился лысоватый мужичок, лет сорока пяти, небольшого ростика.

– Беляева, ты ещё здесь? А ну бегом на ферму, я те сказал. И до конца смены чтоб ни шагу.

Девушка побежала, размахивая из стороны в сторону, длинной, чёрной косой, выбившейся из-под платка.

– Эт Настасья Беляева, чи ни? – поинтересовался Матвей, у закуривающего папиросу, лысоватого мужичка.

– А вы кто будете? – не ответив на вопрос, резко и грубовато, оборвал его тот, протирая платочком испарину, со своей лысины.

– Бандурин я, Матвей Семёнович, – ответил он, со спокойствием в голосе, показывая собеседнику, что нет причин для грубости. – К председателю иду я.

– Ну, так вот и идите к председателю, – всё с тем же раздражением в голосе, рявкнул тот, нервно пуская клубы дыма.

Матвей, молча зашёл в раскрытую дверь.

Постучав в кабинет, с надписью на табличке «Председатель Пустовал Пётр Аркадьевич», он услышал из—за дверей, – Войдите.

– Здорово жавётя, – поздоровался Матвей входя.

– Здоров, здоров, – отрываясь от разложенной на столе газеты, ответил черноволосый, с густыми, чёрными усами человек, сидящий под портретом Ленина. – Вы по какому вопросу?

– Да мне бы на учёт встать. Матвей отметил для себя контраст общения, которое только что, состоялось на крыльце.

Мягкий, спокойный и уравновешенный голос председателя располагал к общению.

– А фамилия ваша как? – поинтересовался тот, всё тем же мягким голосом.

– Бандурин Матвей Семёнович.

– А, всё, понял, понял, Семён Евсеевич сегодня заходил. Я Пётр Аркадьевич Пустовал, – он встал из—за стола, и протянул ему руку.

– Ты присаживайся, Матвей Семёнович, – выдвигая стул, проявил гостеприимство председатель. – Мы с отцом уже договорились. Он гутарит, ты конюх знатный.

– Ну, есть немного, – засмутился Бандурин, давно не испытывая отцовской протекции.

– Ну, вот и хорошо. До зимы поработаешь пастухом, а там на конюшню тебя определим.

– Да я за любую работу, главное шчо дома. Тринадцать лет дома не был, истосковалась душа по родным краям. Манера общения Пустовала располагала к доверительному разговору.

– Да, за тринадцать лет жизнь наша сильно поменялась, – перебил его Пётр Аркадьевич. – И ты, наверное, тоже изменился, а Матвей Семёнович? Председатель вопросительно посмотрел на него.

Бандурин понимал, на что намекает Пустовал.

– Вот смотри брат, что пишет газета «Красный казак». Он взял её со своего стола, и положил перед Матвеем.

– Партия и Советская власть верят нам с тобой в том, что мы приложим все усилия, для того, чтобы обеспечить нашу молодую республику продовольствием. Председатель смотрел на Бандурина испытывающим взглядом, пытаясь увидеть его внутренность. Матвей понимал, что тринадцать лет отсидки, за борьбу против Советской власти, наложили на него соответствующий отпечаток, с которым ему предстоит жить, всю оставшуюся жизнь.

– В этом году, нам поставили двойной план, который мы не смогли выполнить, – продолжал Пётр Аркадьевич. – В связи с чем, на сегодняшний день, положение у нас, прямо скажу, критическое. И товарищ Сталин, надеется, что станичники поймут эту ситуацию правильно, и приложат максимум усилий, для выхода из сложившегося кризиса. Страна нуждается в продовольствии. И кроме нас, и таких как мы, дать его ей некому. Пустовал, завершающе хлопнул по столу ладошкой, и встал. – Вот такая вот история, брат.

Выглянув из кабинета, он крикнул. – Денис Моисеевич, зайди ко мне.

Через минуту, в кабинет вошёл лысоватый мужичок, который на крыльце давал нагоняй Насте Беляевой.

– Вот, знакомьтесь, Денис Моисеевич Фрисман, бригадир молочной фермы, – представил вошедшего председатель.

– А это Бандурин Матвей Семёнович. Зачисли его пастухом, и пускай с завтрашнего дня приступает.

– Да мы знакомы уже, – буркнул Фрисман.

– Ну, вот и добренько, не буду вас задерживать.

Бандурин встал, и протянул на прощание руку.

– Я надеюсь, вы меня правильно поняли, Матвей Семёнович, – пожимая ему руку, уточнил Пустовал.

– Я вас понял, Пётр Аркадьевич, до свидания. Матвей вышел из кабинета. Следом за ним вышел Фрисман.

– Бандурин, зайди в отдел кадров, оформись, и завтра в шесть часов, я тебя жду на ферме. Всё понял? – всё в той же грубой манере проворчал он ему в спину.

– Да понял, що не понять то. Матвей зашёл в кабинет отдела кадров.

Уладив в сельсовете все дела, он направился к дому Беляевых. Дверь открыл парень, по виду ровесник его сына.

– Здорово жавёшь, казаче! – протягивая руку, поприветствовал его Матвей.

– Слава Богу, – ответил тот, пожимая руку в ответ.

– А ты кто, дядь? – поинтересовался парень.

– Да я сосед, с соседней улицы, Бандурин Матвей.

– Эт Сенькин батька, чи ни?

– Да, Сенькин. Мне бы Настасью Михайловну увидеть. Дело у меня до неё.

– Так она на ферме.

– А когда дома будет?

– Ну, вечером, часов в восемь.

– Добро, я тогда зайду вечером. Попрощавшись, Бандурин ушёл.

В полдевятого, Матвей снова постучался в дверь Беляевых. На пороге его встретила Настя.

– А, это вы приходили?

– Да, я. Ну как вы, не зашиблись сегодня? – с иронией улыбнувшись, спросил он, не зная с чего начать разговор.

– Да нет, не зашиблась. А вы что, это хотели узнать? На Настинном лице образовалось недоумение.

– Нет, Настасья Михайловна, не это. Я сидел в одном лагере с вашим отцом, – не став подыскивать слова, выдал Бандурин.

– Что с ним? – Тяжело выдохнув, Настя взглянула в его глаза. Он молчал, на мгновение растерявшись, от её пронзительного взгляда.

– Пойдёмте в дом. Она взяла его за руку и завела. – Садитесь, рассказывайте, токмо пожалуйста не молчите.

Анастасия усадила его за круглый стол, стоящий посреди комнаты. Сама села напротив. Рядом примостились двое её братьев.

Матвей рассказал им о гибели отца. Настя сидела, прикрывая рот ладонью, боясь разрыдаться. По её щекам текли слёзы. Парни сидели молча, с хмурыми лицами, с трудом сдерживая эмоции.

– Спасибо вам. – Настя, вытирая слёзы, посмотрела на Бандурина. – Спасибо большое. Она поднялась из—за стола. Матвей поднялся с ней.

– А где он похоронен, – заглядывая в его глаза, спросила девушка.

– На лагерном погосте. Могилка за номером 3684.

Настя подошла к нему, и, обняв, зарыдала, прижавшись к его груди, не в силах больше держаться. Он обнял её, ничего больше не говоря. К ним подошли мальчишки, и, прижавшись с обеих сторон, тоже тихо заплакали.

Глава 3

Уже стемнело, когда Пустовал подошёл к небольшому домишке на краю станицы. С цепи начал рваться и лаять пёс.

– Кто там? – донёлся голос из темноты.

– Вячеслав Фомич, это я, председатель, – крикнул он из-за калитки.

– А, заходи, Тимофей Аркадьевич, зараз собаку придержу.

Пустовал быстро пробежал мимо пса, рвущегося из рук хозяина, и вошёл в дом. Вячеслав Фомич вошёл следом.

В правом углу комнаты, на небольшой полочке, стояла старенькая иконка, под ней горела лампадка, сразу бросившаяся в глаза. Председатель снял фуражку, и, повесив её на гвоздь, вбитый в стену, справа от двери, сел за стол. Хозяин присел рядом, ставя перед гостем чугунок с картошкой, сваренной в мундире.

– Вот, угощайся, чем Бог послал, звиняй, разносолов нету.

– Спасибо, Фомич, спасибо, но не трапезничать я к тебе пришёл, разговор у меня к тебе есть.

– Ну, гутарь, с чем пожаловал, только уважь, возьми картошечку, поешь. Он достал картофелину и протянул Пустовалу. Тот взял её и начал очищать от кожуры.

– Догадываешься, зачем пришёл? – пристально вглядываясь в гостеприимного собеседника, в своей манере, мягким, глубоким голосом спросил Тимофей Аркадьевич.

– Да что мне гадать, я ж не цыганка, гутарь как есть, без предисловий, – ответил, глядя ему в глаза, Вячеслав Фомич.

– Ну, как скажешь, без предисловий, значит без предисловий. Ты знаешь, что я тебя уважаю и ценю, скажу больше, кузнеца лучше, чем ты я не встречал, и не хочу тебя потерять, – положив на стол почищенную картошку, начал он более серьёзным тоном.

Немного помолчав, не сводя взгляда с хозяина дома, Пустовал достал из кармана свёрнутую бумажку.

– Вот послушай.

Развернув её, Тимофей Аркадьевич начал читать, стараясь придать словам особое выражение.

– «Товарищу Пустовалу. Товарищ председатель, прошу Вас обратить пристальное внимание на антисоветские действия товарища Ковалёва А. Ф., бывшего служителя культа. Товарищ Ковалёв, вопреки линии нашей партии, продолжает дурманить голову религиозными предрассудками казакам и станичникам. Он в своём доме проводит всякие чуждые советским людям религиозные обряды, которые негативно влияют на умы граждан. В связи с чем, считаю необходимым принять в отношении товарища Ковалёва соответствующие меры». Он положил бумажку на стол и накрыл ладонью.

– Написано анонимно, – резюмировал председатель.

– Что скажешь, Вячеслав Фомич? – Пустовал вопросительно посмотрел на него.

– Ну а что тут говорить, надо принимать меры, значит, принимай.

– Да какие меры? – Тимофей Аркадьевич встал из-за стола, и подошёл к иконе, с горящей под ней лампадкой.

– Ты понимаешь, что тебе с учётом твоей судимости, между прочим, тоже за религиозную пропаганду, лет семь светит, если такая бумажонка попадёт, сам знаешь, куда?

Он сел обратно перед Ковалёвым.

– Я всё понимаю, но неужели нельзя без этого?

– Да нет, председатель, если бы ты всё понимал, то такие вопросы мне б не задавал, – Вячеслав Фомич взял со стола положенную Пустовалом картошку.

– На, покушай, и послухай, что я тебе скажу.

Тот взял её, и откусив начал жевать.

– Ты пойми, Тимофей Аркадьевич, я православный священник, к тому же казачьего роду. Ты думаешь, я испугаюсь какой – то писульки? Я тебе так скажу, власти безбожной не выкорчевать веру Христову из человеческих сердец. Да, порушили церкви, да, постреляли священников, да, пожгли иконы, но из сердца-то как вырвать Бога? Помяни моё слово, зазвонят ещё колокола над станицей, да над всей Россией. По-другому быть не может. Отступил народ от Господа, прельстился, за то и пожинаем. Но прощает Бог кающегося грешника. Через покаяние и обретёт народ русский спасение. Не могут станичные без церкви, истосковались души православные. Да ты и сам пади крещёный?

– Крещёный, – махнул головой председатель.

– Но как жить-то? Я ж тоже верую, но в душе, на люди не показываю.

– Ну и не показывай, коли боишься, а мне нельзя так, я поп, мне окормлять православных нужно, а не в прятки с властью играть. А в лагерях тоже православные сидят, так что мне везде работа найдётся. На всё воля Божья, Тимофей Аркадьевич. Бог даст, поживём, послужим ещё, а нет, примем свой крест.

Он встал, повернувшись к иконе, и перекрестился.

– Вот, как ты думаешь, пережить этот год, без помощи Божьей, если по – человечески рассуждая, нам в пору ложиться, и с голодухи помирать? А нам ещё нужно умудриться поголовье сохранить, удои не потерять, коней не уморить, да и казачки кушать тоже хотят. Тут только на Божью милость и помощь уповать приходится.

– Да правильно ты всё говоришь, отец Вячеслав, – слова священника побудили его применить именно слово «отец».

– Ну что же с этим делать? – он взял со стола бумажку с анонимным доносом.

– Да ничего не нужно делать. На каждый роток не накинешь платок. Пускай доносят, всё равно без Божьей воли ничего не произойдёт.

Пустовал встал, и подойдя к двери, одел фуражку, висящую на гвоздике.

– Ну, хорошо, раз так, значит так. Значит, на волю Божью.

Он пожал хозяину руку, и, попрощавшись, вышел. Вячеслав Фомич проводил гостя и вернувшись, погрузился в воспоминания.

В 1897 году, его, молодого священника, недавно окончившего духовную семинарию, направили в далёкую, сибирскую станицу, служить настоятелем. К его разочарованию, количество молящихся на воскресной литургии, оставляло желать лучшего. В сердце молодого иерея врезались слова архиепископа, которые он однажды сказал станичникам в своей проповеди, при посещении их церкви.

«Братья казаки и сестры казачки! Сердце моё плачет и скорбит, при виде полупустого храма. Это намоленное место ваших прадедов, сегодня, к сожалению, остаётся в небрежении. Поверьте, настанет то время, когда Господь отберёт у вас этот храм, если отношение казаков к нему не изменится».

С началом войны, в четырнадцатом году, в церкви было не протолкнуться. Каждый день шли станичники помолиться за своих родных, ушедших на фронт. Кто-то просил Господа о здравии, а кто-то молился за упокой души. Видя это, он говорил в своих проповедях о том, что Бог не случайно посылает казакам испытания. И пророчество архиепископа не заставило себя долго ждать. А в двадцать втором его осудили на пять лет, за то, что он продолжал духовную деятельность. Всё это не сломило священника, но напротив, укрепило его в вере. Уверенность в том, что Бог не случайно проводит свой народ через горнило, наполняло его сердце и придавало сил.

Потеряв то, что казалось само собой разумеющимся, казаки тоже возревновали. После освобождения, Вячеслав Фомич продолжил окормление своей паствы. Прямо у себя дома, он

крестил детей, венчал казаков, отпевал усопших, и служил литургию, исповедуя и причащая станичников. Понимая, что делая это, он рискует свободой, батюшка был готов ко всему. И вот донос. Новое испытание выпадало на его долю. Отец Вячеслав знал, что, несмотря на лояльное отношение к нему председателя, рано или поздно, за ним опять придут.

Он встал из-за стола, подошёл к иконе в углу, и трижды осенив себя крестным знаменем, начал молиться.

«Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй и спаси народ наш и Отечество, да водари нам силу духа воинского, во славу Твою, во славу рода нашего казацкого, и дай нам силы, на вечное служение Тебе и отечеству. Царю Небесный, Утешителю Душе Истины, иже везде сый и вся исполняй...»

Глава 4

Настя доила захромавшую корову, когда вошёл Фрисман. На базе никого не было. В этот день она дежурила, сдаивая закреплённых за ней коров. Одна накануне проткнула ногу, и её не погнали на выпаса. И ещё несколько разродившихся первотёлок ждали своей очереди на дойку, мыча и лупая своими большими глазами. Из-за звяканья струек молока о дно ведра, не было слышно шагов вошедшего. Бригадир тихонько подошёл к ней сзади, и воспользовавшись моментом, прижался к её спине, руками схватив за груди. От неожиданности, Настя соскочила со стульчика, уронив ведро с молоком.

– Вы что творите? – с испугом в голосе закричала она.

– Да не ори ты Беляева, как дура, – чуть пошатываясь, оборвал он её негодование.

Фрисман изрядно подпил, и решил воплотить в жизнь, свои навязчивые ухаживания, которыми он докучал ей уже долгое время.

– Денис Моисеевич, вы пьяны.

– Да сама ты пьяна. Хватит уже из себя святошу корчить. Иди ко мне, – он шагнул к ней и раскрыл руки в объятьях.

– Остановитесь, Денис Моисеевич, вам нужно домой, проспаться, вы не понимаете, что делаете.

– Всё я понимаю, – Фрисман встал на колени.

– Выходи за меня. Как сыр в масле будешь жить, всё для тебя сделаю, проси всё, что хочешь.

– Я вас прошу, прекратите это, уходите.

– Я без тебя не уйду.

Он глянул на неё, так, что ей стало страшно. Настя схватила стоящие рядом вилы и направила в его сторону.

– Что? – заорал он, вставая с колен.

– Меня вилами колоть хочешь?

Бригадир схватил вилы и ткнул их в свою грудь.

– Давай, коли.

У неё затряслись руки, и на глазах выступили слёзы.

– Я прошу вас, не надо.

Опьянённое сознание Фрисмана возбуждалось от её беспомощности. Он выхватил вилы из её рук, и наотмашь ударил по лицу. Настя упала на пол. От внезапного шума взбудоражились первотёлки, инстинктивно начав прикрывать собой своих телят. Бригадир налетел на неё.

– Настя, Настя, ну прости, прости ты меня, ну я люблю тебя.

Он начал целовать её. В нос ударил едкий запах перегара, смешанного с луком и табаком. Настя начала выползать из-под него, прикрывая лицо руками от его поцелуев.

– Ну, пожалуйста, не надо, я прошу вас, успокойтесь.

Её мольбы ещё больше разжигали его помутнённое сознание. Фрисман схватил девушку за горло и сжал руку так, что она начала задыхаться. Задрав платье, рывком, бригадир разорвал её нижнее бельё...

В Настино дежурство, на ферму, всегда приходил кто-нибудь из её братьев, за молоком. Войдя на базу, Ванька, старший из двух Настиных братьев, не сразу понял то, что предстало его взору. На мгновение растерявшись, по стонам и всхлипываньям сестры, он сообразил, что происходит. Подбежав, и схватив валяющиеся рядом вилы, парень со всего маху саданул черенком, по потной шее Фрисмана. Тот моментально обмяк, судорожно вытянув ноги и захрипев. Ванька бросил вилы, и начал стаскивать его грузное тело, придавившее Настю. Выбравшись из-под него, она поднялась и обняла брата.

– Слава Богу, братик, ты вовремя.

– Что случилось, Настя? – недоумённо спросил парень, до конца не осознавая, что произошло.

– Да Фрисман перепил, и снова со своими предложениями пришёл, токмо на этот раз далеко зашёл. Завтра проспится, ничего помнить не будет.

В состоянии шока от произошедшего, Настя не понимала, что тело Фрисмана лежит бездыханно.

– Настя, он, кажись, не дышит, – наклонившись к нему, предположил юноша.

– Как не дышит? – холодная дрожь пробежала по её спине.

– Почему?

Она наклонилась и положила голову к нему на грудь, вслушиваясь в биение сердца.

– Не бьётся сердце, – Настя шарахнулась от него.

– Что теперь делать? – она сползла по стене на пол и положила голову на руки, оперев их в колени.

– Вань, беги на конюшню, там Колька Фролов, попроси коня на двадцать минут, скажи, мне срочно надо, он даст. Верхами гони на выпаса, найди Матвея Семёновича, может он что придумает.

– Хорошо, я мигом.

– Постой. Давай его к стогу сена отволочём, не дай Бог кто зайдёт.

Они взяли тело за руки и волоком протащили метров двадцать, положив рядом с пригтовленным для кормежки первотёлкам сеном.

– Ну, всё, беги.

Ванька рванул, хлопнув дверью. Настя взяла дрожащими руками вилы, и присыпала тело. Её сердце разрывалось от страха.

Через полчаса, Матвей с Ванькой вбежали на базу.

– Настя, что случилось?

Бандурин подлетел к ней. Она прижалась к его груди и заплакала. Девушку трясло. Он обнял её.

– Настя, расскажи толком, что случилось?

– Матвей Семёнович, я не знаю, что мне делать, – начала она, всхлипывая.

– Я не знаю, к кому обратиться за помощью. Вы единственный близкий человек. Вы последний, кто видел папу живым, кроме вас, у нас никого нет.

– Настя, говори, что случилось.

Она, с трудом сдерживая слёзы, рассказала ему всё, что произошло.

Матвей подошёл к стогу, где лежал труп, убедившись в Настиних словах.

– Так, слушайте меня внимательно. Настя, я понимаю, что это сложно, но постарайся успокоиться. Ты коров подоила?

– Ннет. – Как бы напрягая память, замешкавшись, ответила она.

– Бери и дои коров, как ни в чём не бывало. Ванька, будь здесь с сестрой. Я зараз буду.

Вскоре он вернулся.

– Иван, открывай ворота.

Парень отвариł затворы. Бандурин заехал вовнутрь на бричке.

– Давай, быстро, грузим. Они втроём закинули тело и присыпали его сеном.

– Ванёк, давай со мной, а ты Настя, доделывай свои дела, по плану, и в конце смены, дуй домой, после работы я к вам приду.

– Ага, – покорно махнула она головой.

Матвей аккуратно, незамеченным, выехал с фермы, и направился в сторону реки. Недалеко от станицы они раздели его, и сложили вещи на берегу. Отъехав от этого места километров десять вдоль реки, Бандурин остановился у речного затона.

– Давай Вань, прыгивай.

Они слезли с брички и столкнули с неё тело. Матвей разделся, и вплавь затащив труп на глубину, отпустил его.

– Сестре ничего не рассказывай, это будет нашим с тобой секретом. Чем меньше народу будут знать, тем лучше. Вообще, кроме нас с тобой, об этом никто не должен знать. Добро? – наставлял Бандурин Ваньку по пути в станицу.

– Добро.

– А ты казак молодец, – похвалил его Матвей.

– Я бы на твоём месте поступил точно так же. Честь для казака, дороже жизни, – немного помолчав, добавил он.

Вечером Бандурин, как и обещал, пришёл к Беляевым. Настя заметно нервничала.

– Ну что там, как? – подбежала она к нему.

– Оболтус этот ничего не гутарит, слово с него не допросишься. Молчит, как рыба.

– Да как. Казаки бають, вроде бригадир наш, пошёл пьяный купаться, да утоп, – как ни в чём не бывало, ответил Матвей, искусственно придавая своим словам спокойствие. Они переглянулись с Ванькой.

– Как утоп? – не поняла Настя.

– Ну как топнут, – продолжал он, – разделся, полез в воду, да спирт ко дну потянул, только вещи на берегу и остались.

Бандурин улыбнулся.

– Не бойся Настя, Господь милостив, глядишь, всё обойдётся.

Она в недоумении смотрела на него, и молча хлопала глазами.

– Спасибо вам, Матвей Семёнович, не знаю как вас и благодарить.

– Не стоит благодарностей, у меня к вам дело есть. Присаживайтесь, – указал он на стол, и сел сам. Все сели рядом.

– Не знаю, может, конечно, неподходящий момент я выбрал для этого дела, но думаю в самый раз. Последней волей Михаила Кузьмича, было завещание мне позаботиться о вас. Я ему дал слово, и слово своё сдержу. Но что бы у меня было больше возможности заботиться о вас...

Он помолчал, прокашлявшись, как бы проталкивая ком, подступивший к горлу. Настя с братьями, молча, слушали его, ловя каждое слово.

– В общем, так, – начал он официальным тоном.

– Иван Михайлович, Дмитрий Михайлович, Анастасия Михайловна, господа честные казаки.

Он опять поперхнулся и продолжил.

– На правах старшего казака в семье, которому по наследству переходят полномочия отца, я прошу у тебя, Иван Михайлович, руки твоей сестры.

У Ваньки, от удивления и неожиданного поворота событий, округлились глаза. Настю кинуло в жар, Митька молча заулыбался.

В глубине души, Анастасия понимала, что Матвей ей нравится. Она, как бы на подсознании, относилась к нему, как к родному. Возможно, это было связано именно с тем, что он был последним, кто видел её отца живым. Он был тем, кто прожил с ним на чужбине много лет, и тем, кто похоронил его, после того, как тот умер у него на руках. Но она даже не надеялась на то, что этот человек сделает ей предложение. В воздухе повисла тишина.

– Матвей Семёнович, – начал Ванька, вставая и подражая его официальности.

– Я, на правах старшего казака в семье Беляевых, отдаю тебе свою сестру, и благословляю её на то, что бы она продолжала род казаков Бандуриных.

Настя сидела, хлопая глазами. Она смотрела то на брата, то на Матвея, не в силах понять, что происходит.

– Настя, ты согласна? – посмотрел на неё Бандурин.

– Да кто её спрашивать станет? Братья согласны, на том и порешим, – перебил его Митька.

Все уже забыли о Фрисмане. То, что происходило сейчас, было для всех важнее утонувшего бригадира.

Настя поднялась из-за стола. Матвей встал за ней. Она подошла к нему и прижалась.

– В воскресенье же пойдём к отцу Вячеславу, венчаться, – сделал умозаключение Ванька.

– А чего ждать?

ГЛАВА 5

– Венчается раба Божья Анастасия, и раб Божий Матвей, – с припевкой в голосе, басил отец Вячеслав. В небольшом, тесеньком его доме, набилось много народу. Посреди этой толпы, стояли Матвей с Настей, держась за руки. Сзади, них стояли его брат Андрей с женой Варварой, придерживая над венчающимися венцы. Батюшка продолжал служить. Обвязав их руки рушником, он провёл их три раза по кругу, образованному из собравшихся. Напевая полагающиеся молитвы, он творил над ними священные действия.

– Подойдите, и поклонитесь родителям, – направлял их священник, следуя канонам таинства. Венчающиеся, подойдя к стоящим рядом, с иконами в руках, Семёну Евсеевичу и Марии Тимофеевне, поклонились до земли. Те, поцеловав, благословили их.

На следующий вечер, к дому отца Вячеслава подъехал «воронок». На лай собаки он вышел на крыльцо.

– Кто там?

– Товарищ Ковалёв? – отозвался один из приехавших.

– Да, Ковалёв.

– Впустите.

Вячеслав Фомич спустился с крыльца, и закрыл пса в будке.

– Заходите.

Трое военных зашли во двор.

– Собирайтесь, вы проедете с нами.

Никаких лишних объяснений не понадобилось. Священник понял, что тот донос, который показывал ему Пустовал, попал туда, куда надо. Он, молча вошёл в дом и собрал немного вещей в вещмешок. Выходя, поставил собаке полную миску.

– На, дружок, ешь, может и не свидимся уже.

Батюшка погладил пса по ушам, тот завил хвостом, начал хватать еду. Подперев калитку снаружи палкой, отец Вячеслав сел в машину.

В ноябре 1933 года, он перешагнул порог лагерного барака. Осень выдалась холодной. К её концу стояли морозы под тридцать градусов, и кругом лежали глубокие сугробы. Войдя, он остановился, привыкая глазами к тусклому свету. После улицы казалось, что в бараке темно. Щурясь, Вячеслав Фомич бегло окинул присутствующих взглядом. Всё напоминало ему первую отсидку. Однотипный барак с двухэтажными, деревянными нарами, длинный стол посередине, по разным сторонам две буржуйки, у которых хлопотали истопники. Даже лица людей показались ему знакомыми.

– Опа, чё за фраер к нам пожаловал? – подходя к нему виляющей походкой, прошепелявил зек, без двух передних зубов. Батюшка, отряхивая снег с фуфайки и ушанки, молча смотрел на него.

– Представься, дядя, – продолжал шепелявить и пританцовывать подошедший.

– В хату зашёл, и молчишь, вежливости не кажешь, с уважаемыми людьми не здоровка-иси. Не по – людски получается. Чё, папа с мамой не научили что – ли?

Он, оглядываясь на сидящих по шконкам и за столом зеков, заржал, некрасиво растянув свой беззубый рот.

– Чьих будешь, болезный?

– Да нет, нормально папа с мамой учили, – проводя рукой по заиндевевшей бороде, заговорил священник.

– Отец Вячеслав меня зовут, из сибирских казаков буду.

– Опаньки, ты смотри, ещё один отец.

Беззубый, опять повернулся к наблюдающим за происходящим заключённым.

– Слышь, каторжане, красноперые нам ещё одного попа прислали. Одного уморили, так решили исправиться. Нате, мол, вам ещё одного. Беспокоятся, суки, о грешных душах наших.

– А ну, Беззубый, потеряйся, – вставая из-за стола, прервал его коренастый, с небольшой проседью зек. Тот молча отошёл в сторону.

– Проходи к столу, отец Вячеслав, – приглашающе показывая рукой на освободившееся место, позвал он его.

Батюшка подошёл к нему.

– Благодарствую. Спаси Христос, – глянув ему в глаза, и выказав свою признательность, он сел.

– Я Антип, – присаживаясь рядом и протягивая руку для приветствия, представился гостеприимный каторжанин.

– А по батюшке как? – уточнил Вячеслав Фомич, пожимая руку.

– Да мы люди не гордые, голубых кровей не имеем, можно и без батюшки.

– Из уважения к твоему родителю хотелось бы всё-таки обращаться к тебе по батюшке. Ибо почитай отца и мать твою, и продлятся дни жизни твоей на земле.

– Антип Поликарпович Казанцев, раз на то пошло. В народе Казначей.

– Очень приятно, будем знакомы, Антип Поликарпович. Я Вячеслав Фомич, в народе – отец Вячеслав.

– Налейте кипятку батюшке, – скомандовал он.

Через мгновение, на столе стояла алюминиевая кружка, из которой валил густой пар.

– На вот, грейся, Вячеслав Фомич.

– Благодарствую.

Отец Вячеслав обхватил её обеими руками, и немножко отпил.

– Что ж там комиссары творят? На воле, пади, уже ни одного попа не осталось? – возмущённо начал Антип.

– Жил у нас тут один поп, хорошо говорил, душевно. Как скажет, что-нибудь, будто Христос по душе босиком пройдёт. Так Кум его в карцере заморил до смерти. Вот теперь ты.

– На всё воля Божья, – спокойно ответил батюшка.

– Ничего на земле не происходит без воли Божьей. Ни один волос не падает с нашей головы, без Его ведома.

– Ну – ну, то – то я вижу, как Он ваши волосы бережет, скоро не то, что волос, в живых ни одного не останется, – усмехнулся Казначей, несколько человек тоже засмеялись.

– Эт точно, – подтвердил кто – то его слова.

– Ты, Антип Поликарпович, меня не понял. Я гутарю не за то, что Он нас бережет, а за то, что всё, что с нами происходит, енто с Его ведома и позволения.

– И за какие, скажи, прегрешения, с Его позволения, Россию в такую задницу окунули? Ладно, с нами понятно, нас есть за что, а вот ты – то как? А знаешь сколь тут политических? Пруд пруди, и половина из них, за анекдоты сидят, да за языки длинные. А священников, сколько по лагерям, мама родная.

– Один каторжанин уже говорил такие слова, и первым переступил врата рая.

Отец Вячеслав посмотрел в его глаза.

– Осознание своей греховности – это первый, и очень важный шаг на пути к Богу. Его ты уже сделал. Второй шаг – это осознание Его святости. Понимание того что Он, Святой и Праведный, не совершил ни одного греха, и безвинно принял мученическую смерть на кресте, дабы нам, которые заслужили это, не оказаться на этом кресте. Он, Безвинный, взяв нашу вину на Себя, нас оправдал. А ты говоришь за анекдот.

– Да мне рая не видать, как своей селезёнки, которую мне вертухаи отбили, – он помолчал.

– А хотелось бы, если честно, да грехи не пускают.

– А ты думаешь, у того вора и разбойника, что рядом со Христом на кресте висел, меньше грехов было? Думаю, может даже побольше, и ничего, простил Господь кающегося грешника. В том-то и сила наша, и спасение. И это третий шаг, который сделал тот разбойник. Исповедав свою греховность, и осознав Его святость, он попросил «Вспомни обо мне Господи, когда будешь в Царствии Твоём».

Все вокруг притихли, слушая диалог вора и священника.

– Не далеко от тебя Царствие Его, Антип Поликарпович.

Казначей молча смотрел на него, ловя каждое слово, и пытаясь успеть переварить всё, что он говорил.

– Вот ты гутаришь, за что? – продолжил батюшка.

– А нечто сам не ведаешь? Царя, Помазанника Божьего убили, вот от того и проводит нас Господь через горнило. Потому как, мы все повинны в его смерти. И ты, лиходей, и я поп, и князья, и дворяне, и казаки больше других, потому как Богом призваны на защиту веры Христовой. От того и страдают более многих.

– О, слышал полковник, ты больше всех виноват, от того тебе пятнашку и впаяли.

Антип посмотрел на немолодого зека, лет шестидесяти. Тот, встав, подошёл к столу.

– Разрешите представиться, – обратился он к батюшке.

– Полковник Уссурийского казачьего войска, Водянский.

Позвольте с вами не согласиться. Мы присягу не нарушили, и своего царя не предавали. Это он нас предал, отрекшись от престола. Мы до последнего дрались за него, от того и гниём теперь в лагерях. А кто-то и в сырой земле уж давно. Так что, нет на казаках греха клятвоступления. Мы свой крест до конца понесли. А вот то, что к вере Христовой охладели, вот тут в самую точку.

Он присел на нары рядом со столом.

– На всех вина лежит за смерть царёву, – продолжил священник.

– Но благ и милостив Господь. И будет ещё реять над Россией триколор, и взойдёт на престол империи монарх, и помажет его Господь на царство. Не знаю, сколь годов для еного понадобится, может пятьдесят, может сто, а может и по более. И если за эту веру мне придётся в карцере помереть, я на это согласный.

Водянский перекрестился.

– А нужен ли он, монарх? Мало казакам от царей досталось?

– Да кто его знает, как лучше-то. Теперь сам чёрт не разберёт.

Антип обвёл слушающих взглядом, все обступили стол.

– Ни дай Бог, какая-нибудь сука, стуканёт на батюшку, на перо посажу, без лишних разговоров, политические, вас касается.

– Да не стражай ты их, Антип Поликарпович, на всё воля Божья.

– Ну, ты отец Вячеслав даёшь, хорошо тебе, у тебя на всё воля Божья. И сколько ж тебе за твои проповеди наболтали?

– Да, самую малость, – усмехнувшись, ответил батюшка.

– Десять лет, с учётом рецидива.

– Так ты у нас ещё и не первоход.

– Выходит так.

– Ну, Бог даст, уживёмся.

Казначей поднялся из-за стола.

– Благослови, батюшка.

Он сложил руки для благословения и наклонил голову. Священник встал.

– Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Он перекрестил его.

– И меня благослови, батюшка, – прошепелявил Беззубый.

– Во имя Отца и Сына и Свягаго Духа, аминь.

– И меня.

Водянский тоже подошёл к нему. Постепенно, за благословением выстроилась большая очередь.

В барак вошёл начальник лагеря Глушко, с двумя солдатами.

– Ну, я так и думал, – усмехнулся он.

– Как же вы меня достали, со своей религией, безмозглые фанатики. Взять его, и в карцер, – приказал он солдатам, не раздумывая.

Те быстро схватили отца Вячеслава и вывели вон.

– Ну – ну, – опять усмехнулся Глушко.

– Рабы Божьи? Я вам устрою рабов Божьих.

Презрительно плюнув, он вышел вслед за своими солдатами.

– Вот же тварь, опять началось, и этого заморит, падла, – зашепелявил Беззубый.

– Нужно что-то делать, Антип Поликарпович, – подошёл к нему полковник.

– Как пить дать, убьёт он его. Нельзя этого допустить, нужно что-то делать.

– Ша фраера, слухай сюда, – поднял руку Казначей.

– Батюшка правильно говорит, с нашего молчаливого согласия, краснопёрые над Россией глумятся, царя нашего убили, священников наших убивают, да церкви рушат. Сколько ж можно-то?

– А что мы можем, Антип Поликарпыч? – перебил его зек, со шрамом на лице.

– Ты полковник тоже заладил, делать, делать, а что делать то?

– Кое-что можем. Он вон, на смерть верную идет, улыбаясь, а нам, слабо? Короче так, фраера, объявляем всем бараком голодовку, пока батюшку не вернут. Ни дай Бог увижу, что кто-то по углам шкерится и жрёт, заставлю руку свою сожрать.

Глушко доложили, что третий барак, в полном составе, уже второй день, отказывается от еды. Он вызвал к себе Казначея.

– В чём суть вопроса? – посадив его перед собой, негромко спросил начальник.

Зная об авторитете Казанцева, Глушко старался иметь его расположение. Несколько лет назад, Казначей одним своим словом остановил бунт в лагере, который чуть не стоил ему погон.

– Зачем священника моришь, гражданин майор?

– А, вот в чём дело, – по обыкновению усмехнулся тот.

– За попа мазу тянете?

– Отпусти его.

– А если не отпущу?

– Получишь сто трупов, отъехавших с голодухи. Как думаешь, с таким раскладом, скоро ты станешь гражданином подполковником?

Антип говорил спокойно и размеренно, это придавало его словам серьёзности. Майор видел это, и это его пугало. Он понимал, что со ста трупами, ему не то, что погоны, ему головы не сносить.

– А что ты за того не впрягался, или тот плохо проповедовал? – с ехидством в голосе, решил поддеть его Глушко.

– Нет, хорошо проповедовал, не думал я просто, что ты его убьешь. Этого я тебе убить не дам.

– Хм, не даст он, герой. Да не убивал я его, он сам помер, слабеньким оказался. А может его Бог к рукам прибрал? – продолжал тот ехидничать.

– Я ж против Бога не попрю, ну призвал его Господь, что тут подделаешь. Я вот не пойму тебя Казначей, ты ж вор, ты, когда у людей крал, тоже о Боге думал? Молился, наверно, перед каждым делом? Или ты с каждого дела попам часть отстёгивал, что бы они тебе грехи замаливали, а сейчас по старой памяти, мазу за них тянешь?

– Ну, я пошёл? – всё в том же спокойном и уверенном тоне спросил Казанцев, не реагируя на его выпады.

– Иди, – ответил Глушко, еле сдерживая свой гнев.

Казначей встал, и молча, вышел. Майор, соскочил, и с психу, схватив со стола какие-то бумаги, швырнул их в дверь.

– Вот тварь, – процедил он сквозь зубы.

Через час, отец Вячеслав был уже в бараке.

Глава 6

«Товарищи казаки, станичники! 25 августа, сего, 1936 года, в 20.00, в здании клуба, состоится сход. Просьба прибыть всем казакам обязательно!» – прочитал вслух Петро Башкин объявление, наклеенное у входа на ферму.

Вокруг собрался народ, посмотреть, что там расклеили по всей станице.

– Интересно, о чём гутарить будем? – спросил он как бы у всех.

– Ну что, станичные, завтра после смены все на сход, а сейчас давай за работу, неча толпиться, – громким голосом сказал Семён Евсеевич, усиливая его, что бы всем было слышно.

Собравшиеся начали расходиться по рабочим местам, по пути обсуждая прочитанное. После трагической гибели Фрисмана, по ходатайству председателя, Семён Евсеевич был назначен на должность управляющего фермой, где до этого работал ветеринаром. Пустовалу стоило трудов это назначение. Обком партии долго сопротивлялся, сетуя на его казачье происхождение и судимость сына. К тому же припомнили и участие Савелия в антибольшевистской борьбе. Но всё же, Тимофей Аркадьевич смог настоять на своём. Семён Евсеевич был большим профессионалом в животноводстве, и имел непререкаемый авторитет среди казаков. А в тридцать третьем, когда продовольственная политика поставила село на грань выживания, именно благодаря профессионализму и авторитету, удалось сохранить поголовье скота, и избежать гибели людей. Чего нельзя было сказать о других регионах Сибири, да и всей страны в целом. Из-за того, что правительство было вынуждено восполнять растущие пищевые потребности индустриальных регионов, селу были поставлены увеличенные планы сельхозпроизводства, с которыми оно не справилось. Этим был вызван кризис. Люди, в прямом смысле, умирали от голода, не сумев грамотно распределить ограниченные ресурсы. Начался падёж скота. И лишь немногие колхозы смогли без потерь выйти из сложившейся ситуации, во многом благодаря грамотному руководству на местах. Семён Евсеевич внёс неоценимый вклад в преодоление кризиса, чем, несомненно, вызвал расположение руководства. Его не пролетарское происхождение и прошлое, остались «за скобками».

Следующим вечером, в назначенное время, казаки – колхозники, начали собираться в клубе. Шумя, и обсуждая тему предстоящего схода, они занимали места в зале. На сцене стоял заранее приготовленный стол, и три стула. Над ними большими белыми буквами, на красном фоне, был написан лозунг – «Трудиться и служить на благо Родины – почётная обязанность каждого!» Кто-то обсуждал смысл написанного, дымя папиросами.

– Ну, с трудом-то понятно, а вот со службой чего-то не совсем, – сказал громко, кто-то из зала.

– Энто точно, – подхватили эту мысль казаки.

– Не хотят на службицу-то брать нашего брата.

– Бздять оружие казаку давать, – брякнул скрипучим голосом старый дед.

– Спиридоныч, ты это, потише, а то неровен час нагутаришь себе на срок, – одёрнул его сосед.

– Да не боись, – улыбнулся беззубым ртом старик, – девяностолетних нынча не содють.

– А могёт быть, изменилось чаво? – продолжали звучать различные предположения.

– Недаром же казаков собрали.

– Могёт и изменилось. Опять закабалить, поди, хотят.

– Да можа и не закабалить. Оно понятно, что былых преференций казаку не вернуть, а вот со всеми на равных могут определить.

– Ну да, а то срамно как-то, казаков вообще на службу не брать, аки прокажённых.

Пока среди казаков шли перетолки, на сцене послышался стук сапог. К столу прошли трое, Пустовал и двое военных.

– Товарищи! – торжественно начал речь председатель, выйдя на середину сцены.

– Разрешите представить вам наших гостей. Заместитель начальника военного комиссариата, старший лейтенант НКВД, товарищ Беглов, и уполномоченный по делам обороны, майор НКВД, товарищ Солянников.

Он развернулся, и, подойдя к столу, сел. Беглов сел рядом, Солянников вышел на середину.

– Товарищи колхозники! – начал он, но немного помешкав, поправился.

– Товарищи казаки! Я уполномочен ознакомить вас с постановлением, – майор развернулся, и, взяв со стола приготовленный лист бумаги, начал с него читать.

«Постановление Центрального Исполнительного Комитета СССР, от 20 апреля 1936 года.

О снятии с казачества ограничений по службе в РККА.

Учитывая преданность казачества советской власти, а также стремление широких масс советского казачества наравне со всеми трудящимися Советского Союза, активным образом включиться в дело обороны нашей страны, – Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР постановляет: отменить для казачества все, ранее существующие ограничения, в отношении их службы в рядах Рабоче – Крестьянской Красной армии, кроме лишённых прав по суду.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР, М. Калинин.

И. о. Секретаря Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР, И. Уншлихт.»

Он закончил читать, и положил постановление обратно на стол.

– Добавлю от себя, товарищи казаки, – продолжил Солянников.

– Партия и Советская власть оказывают советскому казачеству высокое доверие. Забывая обо всех противоречиях, которые имели место быть, мы должны все вместе заботиться о благосостоянии и безопасности нашей Родины. Уже 21 апреля сего года, приказом народного комиссара обороны СССР, за номером 061, были переименованы в казачьи некоторые кавалерийские части. Полным ходом идёт формирование новых, казачьих кавалерийских дивизий. Также для казаков открыты двери во все рода войск. Товарищ Беглов займётся постановкой на воинский учёт казаков призывного возраста. Вы будете направляться в войска с учётом ваших предпочтений. Уже сегодня казаки могут послужить отечеству не только в кавалерии, но и в бронетанковых войсках, артиллерии, пехотных соединениях, на море и в воздухе.

– Разрешите вопрос? – поднимаясь с места, поинтересовался дед Спиридоныч, поглаживая свою густую, седую бороду.

– Да, спрашивайте.

– А чи що, имеется внешняя угроза безопасности? Нечто война намечается?

– Нет, войны не намечается, но, как говорится, хочешь мира, готовься к войне.

– Ну, с энтим не поспоришь. А то я грешным делом потянул, мабуть супостат зараз напиратить люто, что ажно про казацкие шашечки вспомянули.

Сосед дёрнул деда за рукав, оборвав его речь. Старик неуклюже сел.

– У меня всё, товарищи, – не отреагировав на слова старого казака, закончил выступающий, – слово предоставляется старшему лейтенанту Беглову.

Солянников прошёл к столу и сел.

– Товарищи казаки, – приступил к своей речи Беглов.

– Никакой войны не будет, просто партия и советская власть решили возобновить порядок прохождения службы казаками, как в былые времена. Для постановки на воинский учёт вашей станице выделено две недели. Посему, с понедельника, прошу всех казаков призывного возраста, встать на учёт в районном военном комиссариате. У меня всё. Вопросы есть?

Все сидели молча, обдумывая услышанное.

– Ну, раз вопросов нет, – он повернулся к Пустовалу.

– Тимофей Аркадьевич, у меня всё.

Председатель встал.

– На этом сход объявляется закрытым, все свободны.

Он проводил гостей за сцену. Казаки начали потихоньку расходиться, обсуждая промеж собой всё, что произошло.

Этим же вечером, в доме Бандуриных, собрался семейный совет. Сенька, с Настинными братьями, Ванькой и Митькой, сидели на лавочке, и что-то оживлённо обсуждали. За столом расположились Матвей с Андреем, тоже о чём-то перешёптываясь.

– Ну что казаки думаете по этому поводу? – прервал их междусобойчики Семён Евсевич.

– Я думаю, это хороший посыл со стороны власти к казакам, – с энтузиазмом в голосе начал Арсений. – А что? Советская власть поняла, что казаки не враги советскому народу, и решила снизить уровень напряжённости.

– Лично я рад такому повороту, – подхватил восторг друга Иван. – Я хочу быть офицером, как батька наш покойный. И зараз, со снятием с казачества ограничений по службе, это становится возможным.

– Я тоже хочу служить, – вторил ему младший брат Митька.

Дед молча выслушал их.

– А вы что думаете, казаки? – повернулся он к сыновьям.

– Так, а что тут думать, бать, – начал Матвей, – всё ясно, аки божий день. Всех поголовно истребить не получилось, так зараз омужичить хотят в конец, тех, кто остался. Служба ради службы, это удел мужика лапотного. Казак, за «здорово живёшь», служить не станет. И они это прекрасно понимают. Вот и хотят всех под одну гребёнку замести, чтобы окончательно с нами покончить.

– Ну почему, бать? – не понял его доводов Сенька. – Может, есть в этом и польза какая, для казаков. В конце концов, вы все служили, воевали, отечество своё защищали. Мы тоже хотим.

– Пользу можно извлечь из всего, ежели с умом подойти, – улыбнулся в седую бороду Семён Евсевич. – А служить мы вам и не возбраняем. Батька твой верно гутарит. Нам, за службицу, царь-батюшка землицу жаловал, от податей мужицких освобождал, озерцо, от прадеда маво, в наследство нам досталось. Зараз всё под колхозом. Вот и получается, земли нет, а головы казацкие, под сабельки басурманские, подставляй.

Все слушали деда молча. Он тоже немного помолчал, и продолжил.

– Ну, ничего, дорогие мои, служба, значит служба. Нам в ноняшних условиях выбирать не из чего. Стало быть, будет казак служить в Красной армии, ничего не попишешь. Но вот только казак должен служить так, чтобы искры из-под ног летели. Чтобы сразу было видно, кто есть кто в ентуй жизни. А там разберёмся. Война план покажет.

Хлопцы сидели и улыбались от дедовых речей.

– Всё казаки, готовьтесь, скоро будем на службицу вас собирать. Всё как положено делаем, по нашим воинским обычаям казацким.

Старик улыбнулся, и похлопал внука по плечу..

– Бать, – перебил его Матвей.

– Ты почто так радуеси? Мало что ли они казацкой кровушки попили? Ещё хотят. Нам-то за службицу ни землицы, ни налоговых преференций не видать. Загонють всех под ружьё, и айда кровь проливать, как простой мужик, за понюх табаку.

– А мне кажется, дед Спиридоныч правильный вопрос задал на сходе. Чавойто, чуить моё сердце, неспроста всё енто, и не от большой любви власти к казакам. Видимо и впрямь, во внешней политике бреши появляются, – дополнил брата Андрей.

– Ну, так оно и понятно, не на парадах маршировать казак нужон. Где враг, там и казак. Не из пальца ж енту поговорку наши деды высосали. Ясно дело, что казак в армии нужон

от врага оборонять землю – матушку. Оно-то сынки и дурню видно, что власть просто хотить опять казацкими головами обойтись. Но нам должно в корень глядеть, так сказать, на будущее основание заложить. Можя и помилует Господь казаков за клятвопреступление. Можя ешо воссядет на престоле расейском царь православный. А можя и не нужен он нам вовсе. Кто знает? Как разобратся?

Семён Евсеевич подошёл к Насте, и взял у неё с рук ребёнка.

– Нам врага чаво страшиться? – продолжал он.

– Для казака, положить душу свою за други своя, на поле боя, это великое дело. Помните это казаки всегда, всю свою жизнь, сколько Господь отмерил, и внукам своим передайте. И ты, внучек, запомни, чаво диду гутарить.

Дед начал подкидывать мальчугана к потолку. Настя неловко дёрнулась, пытаясь подстраховать его.

– Бать, осторожней, не урони, – испугалась она за сына.

– Не боись, Настёна.

Отец подошёл к стоящим рядом снохам.

– Давайте милые, рожайте нам казаков, защитников земли русской, да веры Христовой.

Дабы народ наш казацкий вовек не перевёлся.

Варя и Настя переглянулись, одновременно положив руки на свои большие животы.

– Да у тебя бать, уже скоро казачий эскадрон будет, – засмеялась Варвара.

– Через пару месяцев опять пополнение в полку будет.

– Спаси Господи вас девоньки мои, что казаков нам рожают, низкий вам поклон.

Он поклонился.

– Кирьянушка с Савелюшкой не дожили до деток, даже и жениться-то не успели, животы поклали в бою. Так вот вам сынки, за четверых тепереча жить надобно, что бы им там не стыдно за нас было перед Господом. И казачков рожать за четверых.

Семён Евсеевич перекрестился.

– Верно я гутарю, мать?

Он взглянул на жену.

– Верно, верно, – подтвердила она его слова.

– Чем больше казаков, тем лучше.

Варя была беременна уже четвёртым, Настя от неё не отставала, они с Матвеем ждали второго сына.

В понедельник в район уехала первая партия в пятьдесят человек, которых освободили от работы, на время постановки на учёт. У районного сельсовета, где временно разместилась учётная комиссия, мелькая папахами, толпился народ. Сюда подъезжали казаки со всего района. Все были возбуждены, и каждый делился своими мыслями и мечтами.

– А я в авиацию хочу, – слышались голоса из толпы.

– А я в артиллерию.

– Зараз за танками будущее великих побед, – убеждал кто-то, размахивая руками.

Сенька и братья Беляевы, держались со своими одностаничниками. Постепенно, начали запускать по несколько человек. За столом сидели трое военных, в середине был старший лейтенант Беглов, выступавший на сходе.

– Фамилия, имя, отчество? – спросил он, не поднимая головы от журнала, в который всех записывал.

– Бандурин Арсений Матвеевич, – отчеканил Сенька.

– Год рождения?

– 1917, 10 марта.

– Семейное положение?

– Холост.

Арсений чеканил каждое слово. Ему казалось, что он уже солдат, и нужно вести себя соответственно.

– В каких войсках хочешь служить?

– В танковых.

– В танковых? – переспросил Беглов.

– А в технике волокёшь?

– Так точно, – опять, как выстрелы, прозвучали его слова.

– Я на механизатора учился. Там, за дверью, мои братья, мы вместе хотим.

– Хорошо, учтём, разберёмся. Проходи в следующий кабинет.

Старлей дал ему бланк.

– В соседнем кабинете, по разным углам стояли столы, за ними сидели врачи. Арсений по очереди прошёл всех. Каждый провёл осмотр, задавая вопросы, и отмечая что-то в выданном бланке. Выйдя из этого кабинета, он посмотрел, что они понаписали. В каждой строчке стояло, «Здоров», «Годеен к строевой службе». Радость переполняла юношу.

– Ну что, как у тебя? – подбежал он к вышедшему из того же кабинета Ваньке.

Тот показал бланк. Те же слова красовались и у него. «Здоров, годеен к строевой службе».

Домой вернулись уже вечером. Долго не могли заснуть. В голове крутились разные мысли. Сенька представлял, как он управляет новеньким танком, вот он мчится на нём в бой, сметая всех врагов на своём пути, совершая свои подвиги и защищая Родину. Вот он с лейтенантскими петличками, командует строем солдат, а вот он поднимает их в атаку. Под эти радужные, юношеские мысли, Арсений провалился в сон.

Глава 7

Первый, массовый призыв казаков Сибири и Дальнего Востока прошёл в 1937 году. После захвата Японией Манчжурии в 1931—1932годах обстановка на Дальнем Востоке обострилась. 9 марта 1932года японские оккупанты провозгласили на территории Северо-Восточного Китая, граничащей с СССР, марионеточное государство Манчжоу-го, с целью использовать его территорию для последующей экспансии против СССР и Китая. Для пресечения японской агрессии, 1июля 1938 г. по решению Главного военного совета РККА, на базе Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, был развернут Краснознаменный Дальневосточный фронт, под командованием Маршала Советского Союза В. К. Блюхера. Военный конфликт с Японией стал первым серьёзным делом для казаков, после возвращения их в строй. В боях с японскими самураями, сибирцы и дальневосточники проявили себя героически. Многие были награждены орденами и медалями.

– Ровня-яая-йсь, сми-ии-рно! – с припевкой в голосе, протягивал команды командир бронетанкового батальона, майор крепкого телосложения и невысокого роста. Его гладко выбритый подбородок, отдавая синевой, блестел на солнце. Перед ним стояли новобранцы. Только что одетые в новенькое, не подогнанное обмундирование, они были какими-то неуклюжими, не отточенными, и от этого строй казался неровным. По команде новоиспечённые бойцы повернули головы вправо, и, вернув их в исходное положение, вытянулись по струнке.

– Товарищи красноармейцы!

Комбат начал свою ознакомительную речь.

– Меня зовут майор Стрельников. Я ваш командир батальона. Ближайшие три года мы с вами проведём вместе, постигая великую науку, науку побеждать. Вам несказанно повезло, что Родина направила вас именно в бронетанковые войска, гордость и элиту Красной армии. Я выражаю уверенность и надежду на то, что каждый из вас приложит максимум усилий, для того, что бы стать настоящим профессионалом своего дела. Партия и советский народ, с надеждой смотрят на вас, зная, что мир и безопасность страны в надёжных руках.

Молоденькие солдатики стояли по струнке, и, не отрывая взгляда, следили за своим командиром. Чувство гордости, и своей великой миссии переполняли их сердца, от слов офицера. Каждый чувствовал себя героем. Арсений и Ванька, стоя рядом, переглянулись и улыбнулись. По этому взгляду было понятно, что они оба счастливы.

– Напра-аа-ву, – прозвучала неожиданно команда.

Строй, нестройно повернулся. Кто-то, растерявшись, заметался, повернувшись в другую сторону. Послышался смех.

– От-т-ставить, – вернул их на исходную майор.

– Напра-аа-ву, – снова повторил он команду.

Со второго раза получилось лучше.

– Лейтенант, – обратился Стрельников, к стоящему в строю, молоденькому, только что из училища, командиру взвода.

– На приём пищи шагом марш, и далее по плану. Командуйте.

– За мной шагом марш, – скомандовал лейтенант по – детски писклявым голосом, показавшимся таким после команд и речей бывшего комбата.

Строй зашагал за ним, повинувшись его командам.

После обеда учебный взвод направился в своё расположение. Лейтенант скомандовал рассредоточиться по кубрику и приступить к подшивке подворотничков, раздав материал и нитки с иголками. Бойцы расселись по лавочкам.

– Эх, жалко Митьку не взяли в армию, сейчас бы с нами был, – с сожалением вспомнил про брата Ваньку.

– Да ничего, чуть подрастёт, и через пару лет придёт, а мы его тут с хлебом с солью поджидать будем, – успокоил его Сенька.

За работой началось спонтанное знакомство.

– Что, кто откуда, хлопцы? – поинтересовался Арсений, нанизывая нитку в иголку.

– Я с Забайкалья, станица Семёновская, – отозвался краснощёкий, здоровый парень, пристроившийся рядом.

– Из казаков, что ли? – подключился Иван.

– Да, из казаков.

– И мы из казаков, – протягивая ему руку, улыбнулся он.

– Из сибирцев мы, будем знакомы. Я Ванька Беляев, это мой братец, Сенька Бандурин.

– Я Лёха Бурцев, – пожимая им обоим руки, представился забайкалец.

– Да тут братцы, почитай, добрая половина из казаков будет, – присоединился к знакомству ещё один боец.

– Так, хлопцы, али нет? – привставая со своего места, и оглядывая присутствующих, спросил он.

– Так точно, – ответил парень, стоявший возле окна, оперевшись на подоконник.

– Как по станицам постановление зачитали, так все в армию и хлынули. Я с Амура, нас со станицы шестерых в этот год в армию отправляли. Старики вот такие проводы закатали, – он показал большой палец, поднятый вверх.

– Век буду жить, не забуду. Всё, как встарь, говорят, по старым традициям.

– Да, проводы старики устроили как надо, – подтвердили его слова ещё несколько человек.

– А вот я, братцы, не люблю казаков, – вдруг прервал их воспоминания о станичных проводях боец со шрамом на щеке.

– Они маво батьку в девятнадцатом годе порубили, мне тогда три года было. Вот я с тех пор и сиротствую.

– Как звать тебя, друже? – подошёл к нему парень, стоявший у подоконника.

– Антоха.

– А я Прошка, Прохор значится. Прохор Фёдоров.

Он протянул ему руку.

– Маво батьку тоже в девятнадцатом убили, – продолжил он.

– И тоже сиротствую я, брат Антон, с трёх годов. Ну, что было, того не вернуть, думаю, тут у всех есть о чём погоревать. Но горевать нам нынче несподручно, мы теперь все красноармейцы, бойцы регулярной, Рабоче – Крестьянской Красной армии, и, как сказал наш комбат, Родина смотрит на нас, и мы её не подведём. Поэтому делить нам нечего, да и незачем. Верно я гутарю, хлопцы?

– Верно, Проша, – поддержал его Сенька.

– У всех у нас свои судьбы, свои истории, и неча нам зараз вспоминать дела прошлого. Много там осталось всего. Нам нужно жить настоящим, и не делиться на казаков и крестьян, а вместе строить светлое будущее, и вместе учиться защищать нашу общую Родину.

Начались армейские будни. Тренировки, учения, наряды. Полгода пролетели, как одна неделя. Очень быстро втянулись бойцы в службу. Совсем скоро предстояло то, о чём все они мечтали всё это время. Впереди их ждало знакомство с танками. Взвод, прошедший учебку, с нетерпением ждал начала практических занятий на танке Т – 26.

– Ровня-я-я-йсь, сми-и-ирно.

Перед Стрельниковым стоял уже не строй вчерашних гражданских пацанов, а хорошо вымуштрованное, боевое подразделение. Это не могло его не радовать. От того, с ещё большим удовольствием, он зачитал приказы, о присвоении очередных воинских званий.

– Красноармеец Бандурин.

– Я, – отозвался Сенька.

– Красноармеец Фёдоров.

– Я, – отозвался Прохор.

– Выйти из строя, – продолжал командовать комбат.

– Есть выйти из строя, – в один голос продублировали команду бойцы, и сделав два шага, развернулись лицом к взводу.

Торжественным голосом майор продолжил.

– За образцовое несение службы, и за достигнутые успехи в боевой и политической подготовке, красноармейцы Бандурин и Фёдоров назначаются на должность командиров отделений, с присвоением очередного воинского звания «младший сержант». Ко мне, бойцы.

– Есть, – ответили они опять в один голос, и, развернувшись кругом, строевым шагом подошли к командиру.

Стрельников протянул им новенькие петлички, с треугольничком.

– Поздравляю вас, товарищи, – он пожал им руки.

– Служим трудовому народу, – всё также в унисон, как на тренировках, отвечали парни, реагируя на команды офицера.

Строй залился в трехкратном «ура». По существующей воинской традиции, комбат дал распоряжение в канцелярию написать благодарственные письма на Родину.

Пустовал вышел из своего кабинета, с довольным лицом.

– Катерина Акимовна, вы Евсеича не видели? – спросил он у уборщицы, моющей пол в коридоре.

– Да, минут пятнадцать назад здесь был, зараз на ферму уехал. Васька на санях за ним приехал, он быстренько собрался, в сани прыгнул, и укатили они, – доложила она во всех подробностях.

– Хорошо, спасибо, – поблагодарил её председатель и вернулся в кабинет.

Дождаться возвращения Семёна Евсеевича, имея такую телеграмму, он не смог. Накинув бекешу и ушанку, он побежал на ферму.

Декабрь выдался снежный. Сугробов намело по колено. Пустовал с трудом переставлял ноги, проваливаясь в снег.

– Тимофей Аркадьевич, ты на ферму собрался? – догнал его на санях Петро Башкин.

– Да, на ферму, Семён Евсеевич мне срочно нужен.

– Я туда же еду, садись, а то так по сугробам замучаешься шагать.

– Во, хорошо Петь, ты вовремя, – обрадовался он, залезая в сани.

– Телеграмма пришла с армии, дюже хорошая, про Арсения Бандурина. Вот, не могу ждать, хочу срочно обрадовать деда с отцом.

– Ну, эт правильно, дело важное, сейчас мигом доедем.

Петро подстегнул лошадь.

– Но, пшла.

На ферме всюю шла снегоуборочная компания. Всеми силами убирали с территории снег, вывозя его на телегах и санях. Матвей лихо орудовал лопатой, закидывая большой сугроб на бричку. Из-под его шапки шёл пар.

– Во, Матвей Семёнович, ты-то мне и нужен, – спрыгивая с петровских саней, подбежал к нему председатель.

– А Семён Евсеевич далеко?

– Да вот, только что зашёл в коровник, – ответил Бандурин, продолжая работать.

– А что случилось?

– Пойдём, сейчас узнаешь.

Матвей воткнул лопату в сугроб и пошёл за Пустовалом.

– Семён Евсеевич, можно тебя на минуту, – окликнул его председатель, войдя в коровник.

– Можно конечно.

Он подошёл.

– Что, Тимофей Аркадьевич?

– Дело у меня есть к вам, Бандуриным.

Петро Башкин подошёл поближе, чтобы ничего не пропустить. Присутствующие с любопытством смотрели на них.

– На вот, читай.

Пустовал достал из-за пазухи телеграмму. Семён Евсеевич взял её.

– Мелко написано, не вижу нячё.

– Матвей, на, прочти.

Он передал её сыну. Тот, развернув, начал читать.

«Председателю колхоза Светлый путь, Пустовалу Т. А.

Командование Рабоче – Крестьянской Красной Армии, уведомляет вас, что отличнику боевой и политической подготовки, Бандурину Арсению Матвеевичу, в ознаменование очередной годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции, за особые достижения в службе, присвоено очередное воинское звание, «младший сержант». В связи с чем выражаем вам, и его родителям благодарность, за достойное воспитание советского гражданина и сына. Командир бронетанкового батальона, майор Стрельников.»

Матвей дочитал, с трудом сдерживая подкативший к горлу ком. Он посмотрел на отца. Тот стоял, опешив от услышанного, не в силах ничего сказать.

– Гордость – то какая, – разорвал тишину Башкин.

– Ай да Сенька, ай да порадовал. Вот это казак.

У Семёна Евсеевича на глазах предательски выступили слёзы, покатавшись по щекам и спрятавшись в бороде.

– Никак в урядники произвели Сеньку-то нашего, – проговорил он, вытирая их.

– В сержанты, – поправил его Пустовал.

– Командиром тепереча будет Арсений.

– Командиром, – задумчиво повторил за ним дед.

– Стало быть, строится служба-то у казаков, а, Матвеюшка, – посмотрел он на сына.

– Глядишь, с Божьей помощью и в офицерья выйдет.

– Дай-то Бог, – Матвей обвёл всех глазами.

– Дай-то Бог.

– Ну, спасибо тебе, Пётр Аркадьевич, за добрую весть, – Семён Евсеевич пожал ему руку, и обнял.

– Вот это порадовал ты меня добре. Не посрамил Арсений рода нашего. Не посрамил.

Все смотрели на своего бригадира и радовались за него.

– Отличник боевой подготовки, командир говорит, – повысив голос, чтобы все слышали, громко сказал он, обводя всех взглядом.

– Вот так вот, пускай знают. Токмо казаков в строй поставили, а они уже в командирах.

Радости Евсеича не было конца. Он ещё целую неделю ходил с этой телеграммой по станции, показывая её всем. Для старого казака эта благодарность была предметом большой гордости. Ведь то положение, в котором оказалось казачество после гражданской войны, было весьма незавидным и бесперспективным. То, что на казачество было наложено ограничение по службе, тяжёлым бременем лежало на плечах казаков. Казалось, что уже никогда не удастся вернуть казачеству его прежнее место в обществе. И вот, с выходом постановления о снятии ограничений, появился шанс. Казаки использовали этот шанс на полную мощь, понимая, что от этого зависит будущее казачества.

Глава 8

Летом 1938 года, ситуация на советско – японской границе обострилась. Более тысячи японских солдат совершили нападение на советскую пограничную заставу в районе высоты Безымянной и Заречной, вблизи озера Хасан, которую охраняли триста пограничников. Все советские защитники погибли, также было потеряно более десятка танков. Японцы заняли оборону на захваченной территории.

– Рота подъё-ё-ём, боевая тревога, – прозвучала команда дневального. Всё вокруг пришло в движение. Бойцы, быстро соскакивая, одеваясь и выстраиваясь в организованную очередь, получали в оружейке личное оружие. Через пятнадцать минут батальон стоял на плацу.

– Товарищи красноармейцы, – зазвучал ораторский голос комбата.

– Час назад японские самураи атаковали советскую границу, и завладели нашей территорией. Советские пограничные части ведут ожесточённые бои с превосходящими силами противника. Наша задача: выдвинуться в район сосредоточения 39-го стрелкового корпуса, и укрепив его пехотные соединения своей бронёй, молниеносным ударом загнать обнаглевшего врага в своё логово.

В глазах у Арсения засветилась искра. «Вот оно, настоящее боевое задание, – промелькнула мысль. – Наконец-то, дождался. Это тебе не учения на полигоне, это настоящая война», разговаривал он сам с собой в мыслях.

– Экипажи, по машинам, – прозвучала последняя команда комбата, и через мгновение всё пространство вокруг занял рёв моторов.

За год службы экипаж танка не только отработал, отточил и синхронизировал свои действия. Его ещё и скрепила дружба. Если Арсений с Ванькой дружили ещё до армии, то Лёха Бурцев, будучи третьим членом их экипажа, за этот год тоже стал для них другом и братом.

– Ну что, казаки, зараз как вдарим по самураю, костей не соберет, – возбуждённо приговаривал Сенька

– Эт точно, до самого своего Токио будут драпать, – поддержал его пыл Лёха, заводя мотор своего танка. То, что сказал Иван, они уже не услышали из-за рёва двигателя. Бурцев дёрнул коробку, и танк рванул с места. Парни повысовывались из своих люков. Уж больно им хотелось посмотреть на всё это масштабное действо. Колонна двинулась вперёд.

Через час они были на месте. Стрельников спрыгнул со своего головного танка. К нему подбежал запыхавшийся капитан в грязной и порванной гимнастёрке. – Вы комбат? – спросил он, с трудом выравнивая дыхание.

– Так точно, я.

– Вас срочно вызывает комполка, полковник Уханов. Следуйте за мной. Капитан развернулся и побежал, запинаясь от усталости, в ту сторону, откуда пришёл. Стрельников побежал вслед за ним. Вдалеке слышались звуки боя. Артиллерийская пальба то и дело заглушала собой ружейную и пулемётную стрельбу. Вдали виднелись вспышки, от которых поднимались клубы дыма. Они добежали до опушки леса, где расположился полевой штаб. Метрах в ста от него стояла палатка с красным крестом, вокруг неё было много раненых. Они сидели и лежали везде, в окровавленных бинтах. Казалось, что весь лес заполнен ими. Посыльный капитан вбежал в штабную палатку. Майор последовал за ним.

– А, Стрельников, вы вовремя, – встретил его комполка. Рослый, плечистый, лет сорока пяти полковник заметно нервничал. – Вашему батальону необходимо с ходу вступить в бой и поддержать огнём нашу пехоту, – начал он сразу ставить задачу. – Японцы укрепились на высоте, и их артиллерия не даёт нашим танкам подойти ближе, от чего пехота несёт большие потери. Батальон Михайлова потерял двенадцать танков. Вы должны, объединив с ним силы,

прорвать оборону, и вытеснить их с этой высоты. Товарищ Михайлов, согласуйте совместные действия, – обратился он к стоящему рядом майору.

– Вопросы? – заключил комполка.

– Товарищ полковник, – обратился Стрельников. – Моему батальону нужна дозаправка, горючее на исходе.

– Топливо доставят только через два часа. У нас майор нету двух часов. Атаковать необходимо немедленно. Враг уже измотан, его силы тоже имеют предел, – Уханов помолчал.

– Слейте с части танков всю горючку, и равномерно распределите её по остальным. На одну атаку хватит. Нужен один, точный и сильный удар, и они дрогнут.

Он ударил кулаком по столу, стоящему посреди палатки.

– Через двадцать пять минут, вы должны пойти в атаку. Полковник глянул на часы.

– Время пошло. Выполнять.

– Есть, – взял под козырёк майор, и вышел из палатки. Михайлов вышел следом.

– Стрельников, – окликнул он его. – Мой батальон вон в той зелёнке. Показал комбат рукой в сторону леска, где стоял его потрёпанный батальон. Он посмотрел на часы. – Ровно через двадцать пять минут я выступаю. Не задерживайся, я на тебя рассчитываю.

– Я успею, – пообещал тот, и быстро побежал к своему батальону.

Через пять минут, весь в мыле, он был на месте. Вид его был не лучше, чем у посыльного капитана, прибежавшего за ним.

– Савельев, Беспалов, ко мне, – скомандовал комбат, наклонясь и уперевшись руками в колени, переводя дыхание. Двое старших лейтенантов подбежали к нему.

– Товарищи офицеры, у вас десять минут. Быстро слить горючку с девяти танков, и дозаправить свои. Через двадцать минут ваши две роты пойдут в атаку. Выполнять.

Они рванули, не задавая лишних вопросов.

Забрякали канистры. Бойцы засустились возле своих машин. К Стрельникову подбежал командир первой роты, старший лейтенант, лет двадцати пяти, с рыжим чубом, выбивающимся из-под шлема.

– Товарищ комбат, – обратился он с растерянностью в голосе, – почему с наших машин сливают топливо?

– А ну отставить, лейтенант, – оборвал он его, – вы что себе позволяете? Майор посмотрел на него таким взглядом, что у того отпало всё желание что либо ещё спрашивать. – Бегом марш выполнять приказ, – рявкнул он на опешившего старлея.

– Есть, – козырнул тот, и, развернувшись, рванул к своему танку.

– Отставить, Ермолов, – остановил его Стрельников, сменив тон, поняв, что никакого приказа ротному не дал. – Твоя рота остаётся в резерве. Роты Савельева и Беспалова я сейчас поведу в атаку. Скоро подвезут топливо. Твоя задача заправить машины под завязку, и в полной боевой готовности ожидать дальнейших распоряжений. Как понял?

– Всё понял, товарищ комбат. Разрешите идти?

– Иди.

Через пятнадцать минут все были готовы. Стрельников запрыгнул на головной танк.

– За мной, – скомандовал он, и зазывающе махнул рукой. Деятнадцать танков во главе с ним двинулись в сторону леска, из которого начал атаку потрёпанный батальон Михайлова.

– Ну, надо же так обмишуриться, первый бой, а мы в резерве, – с обидой в голосе, сетовал на судьбу Сенька. – Они же зараз всех япошек перебьют, и нам ничего не останется.

Он ходил вокруг танка и возмущался. Ванька с Лёхой залезли на башни, и, вытягивая шеи, как гусаки, пытались хоть что-то разглядеть. Лес скрывал поле боя. Поверх деревьев были видны только клубы дыма и слышны звуки начавшейся атаки.

Вдоль всей опушки леса простирались окопы, в которых сидела пехота. Взору вышедших на рубеж танкистов открылась панорама боя. Всё поле перед траншеями было изрыто

воронками. Метрах в двухстах начиналась простреливаемая зона. Она была покрыта трупами, лежавшими между горящих танков. Батальон Михайлова уже вступил в бой. Было видно, как загорелись ещё несколько его машин. К танку Стрельникова подбежал пехотный комбат.

– Майор, выступай, я подниму батальон следом за тобой, – заорал он, пытаясь перекричать рёв моторов.

– Понял, давай, – ответил он, и закрыл за собой люк.

Головной танк комбата, заревев, рванул с места. Бронетанковый батальон Стрельникова пошёл в свою первую в жизни атаку. За ним из окопов поднялась пехота. Машины, вздымая клубы пыли и дыма, быстро рассредоточились, и, заняв свои боевые порядки, как на учениях, рванули вперёд. Пехотинцы побежали следом, прячась за бронёй, от свистящих кругом пуль и осколков. Каждый из танкистов знал, что в задачу танков Т – 26 входило быстрое преодоление простреливаемой зоны, и выход на рубеж обороны противника, с целью уничтожения артиллерийских точек и живой силы пулемётным огнём. Много раз они отработывали этот манёвр на полигоне, и практически все получали за этот приём оценку отлично. Но в реальном бою всё оказалось по-другому. Не смотря на то, что атаки непрерывно продолжались уже около трёх часов, оборона японцев всё ещё была сильна.

Первые несколько сот метров преодолели без потерь, пока самураи были заняты передовым отрядом Михайлова. Но вскоре, на наступающих обрушился ураганный огонь. Несколько машин на полном ходу загорелись, и встали, как вкопанные. Стремясь побыстрее пролететь это поле, превратившееся в месиво, танки, как по команде, усилили ход. Пехота начала отставать и залегла, под кинжальным огнём.

– Вот же сукины дети, – выругался пехотный комбат, наблюдавший за атакой со своего НП. – А ну, вперёд, – заорал он на своего ординарца, – поднять их. Тот послушно выскочил из окопа, и, пригибаясь, побежал к залегшему батальону. Комбат наблюдал за ним в бинокль. Добежав, он несколько раз выстрелил в воздух из пистолета.

– Встать, – заорал он, срывая голос до хрипоты. – За мной, за Родину, в атаку.

Солдаты, видя, что командир стоит перед ними в полный рост, поднялись и побежали за ним. Через метров сто он упал, неуклюже вскинув руки, и замер. Поредевший батальон, пробежав ещё с десятков метров, опять залёг.

На поле горели уже двенадцать танков из рот Савельева и Беспалова, Михайлов брал на себя левый фланг. Стремительная атака поднятой пехоты, и активные действия Михайловских танков, прорвавшихся на левофланговую батарею, дали возможность Стрельникову добраться до вражеских окопов. Непрерывно стреляя из пулемётов, он на полном ходу налетел на японскую пушку, которая пыталась взять его на прямую наводку. Раскурочив её гусеницами, комбат расстрелял из пулемёта разбегающихся в стороны артиллеристов. По броне звенели, как горох, пули. Командирский танк начал двигаться к траншее, чтобы зачистить её. В этот момент, в ушах у Стрельникова, зазвенело и стихло...

Успев выпустить из своего укрытия по его машине снаряд, соседняя батарея была уничтожена подоспевшим Савельевым. Михайлов добивал левофланговые батареи. Японцы, с боем, отступили на вторую линию обороны. Майора достали из горящего танка, из его ушей текла кровь, весь остальной экипаж погиб. Пехота, подгоняемая своим комбатом, заняла захваченные траншеи, очищая их от трупов.

– Связь, мне нужна связь, – прокричал Стрельников, держась за голову, не слыша своего голоса.

– Сейчас, будет связь, – ответил Савельев.

– Сколько машин осталось? – спросил у него комбат.

– Пять. – Старлей грустно опустил голову.

– Я не слышу, громче говори.

– Пять, – ещё раз прокричал тот, показывая на пальцах.

- Беспалов где?
- Там остался гореть, – показал он рукой в сторону дымившегося на поле батальона.
- Доложи о потерях полковнику.
- Есть.

Через минуту к ним подошёл пехотный комбат.

- Есть связь. – Ротный подошёл к аппарату.
- Товарищ полковник, докладывает старший лейтенант Савельев.
- Савельев? А где Стрельников? – прокричал в трубку Уханов.
- Товарищ майор ранен.
- Хорошо, докладывайте.
- Товарищ полковник, в ходе атаки потеряно семнадцать танков. Первая линия обороны взята. Для дальнейшего продвижения нужно подкрепление.
- Будет подкрепление. Сейчас они пойдут в контратаку, занимайте оборону и держитесь.
- Есть занять оборону и держаться. – Савельев передал приказ комбату.
- Распредели все танки вдоль окопов, через двести метров, – распорядился Стрельников.
- Нужно продержаться, пока не подвезут горючку.
- Слушаюсь.

В течении часа японцы несколько раз предпринимали попытки контратаки. Занявшие их позиции, поредевшие батальоны сдерживали их остервенелый натиск.

На позиции подоспела заправка. Командир первой роты Ермолов, заполнив баки, послал посыльного к Уханову, получить распоряжения. От полковника поступила команда срочно выдвигаться на высоту. С посыльным со штаба прибыла рота пехоты. Погрузив её на броню, Ермолов повёл своё подразделение к своим. Они двигались по полю, по которому два часа назад шёл в атаку их батальон. Похоронные команды шныряли туда и сюда, собирая убитых в кучи. Их грузили на телеги, и вывозили с поля боя. Среди них виднелись трупы в танкистских комбинезонах. Кругом стояли подбитые танки. Запах гари наполнял воздух. Сердце Арсения сжалось при виде этой картины.

– «Да тут весь батальон остался», – подумал он. Там, где похоронщики ещё не успели поработать, из башни, завалившись, вниз головой, свисало обгоревшее тело. Всё это значительно отличалось от полигонных учений. Где-то вдалеке, вокруг танка, бегали фигуры. Во время боя у них прямым попаданием, снесло часть гусеницы. Экипаж не покинул машину, а продолжал поддерживать огнём наступающих. После завершения успешной атаки, они разобрали гусеницу, у рядом стоящего, подбитого танка, и отремонтировали свою.

- Мы скоро вас догоним, – крикнул сержант, проезжающей мимо них колонне.
- Какие молодцы, – подумал Сенька, – после такого боя каждая машина на счету.

Они прибыли на высоту. Следом за ними пришли грузовики с топливом. Стрельников уже оклемался после лёгкой контузии, и давал распоряжения. Комбат дал команду Ермолову построить весь личный состав. Через пятнадцать минут все стояли в строю.

- Товарищи красноармейцы! – начал он, в своей торжественной манере.
- Ценой больших потерь, и жизнью наших товарищей, мы выбили врага с нашей земли, но не окончательно. Нам предстоит доделать начатое, и погнать их отсюда поганой метлой. Перед нами вторая линия обороны. Необходимо молниеносным ударом обратить противника в бегство. Через полчаса выступаем. По местам.

Стрельников облюбовал себе танк, в котором погиб экипаж. Небольшой ремонт вернул машину в строй.

- Майор, дай мне пару толковых стрелков, – обратился он к пехотному комбату. Тот, не мешкаясь, выделил ему двух бойцов.
- Бандурин, ко мне, – продолжал давать распоряжения Стрельников.
- Есть, – подбежал к нему Арсений.

– Оставляй за себя Беляева, вот ему стрелок на пулемёт, – он показал на одного из пехотинцев, прибывших в его распоряжение, – а сам ко мне водителем.

– Есть товарищ майор, к вам водителем.

– И ещё, Бандурин, у тебя полчаса объяснить нашему новому члену экипажа его боевую задачу.

– Так точно, товарищ майор, объясню и научу, – отрапортовал Сенька.

Через полчаса батальон вышел наизготовку. Сигнальная ракета ознаменовала начало атаки. Моторы взревели, машины рванули с места, пехота пошла следом. По наступающим с новой силой заработала артиллерия. Несколько танков загорелись и встали. По вспышкам было видно, что вдоль всей линии обороны разместились батареи. Кругом рвались снаряды. Японцы не успели пристреляться, точных попаданий было немного, но всё же, плотный огонь затруднял продвижение.

– Вот же зараза, – выругался Стрельников, – сейчас точно весь батальон здесь оставим. Плотно бьют.

– Товарищ комбат, может попробовать через вон тот овражек в тыл выйти, – Арсений показал рукой в сторону оврага, заросшего камышом и кустарником, уходящего правее от линии атаки.

– Спуск крутой, можем перевернуться, но попробовать можно, иначе в лобовой нам не сдюжить, – проговорил майор себе под нос.

– А, давай, Бандурин, была, не была. Или грудь в крестах, или ..., – он махнул рукой, – постараемся обойтись крестами. Нырять в балку, – скомандовал Стрельников.

Сенька резко взял вправо, и разогнав танк, на полном ходу влетел в овраг. Оторвавшись от крутого обрыва, машина подлетела, жёстко приземлившись на дно.

– Все живы? – прокричал комбат.

– Живы, – отозвался Бандурин.

– Лебедев, ты живой?

Новоиспечённый пехотинец – танкист держался за лоб обеими руками, из-под них сочилась кровь.

– Да живой я, только лбом ударился, – морщась от боли, доложил он.

– Ну, так держаться надо, а не ртом зевать, – гаркнул майор. – Всё, к пулемёту давай, раны потом залечивать будем.

По дну оврага, неглубоко наполненного водой, они проехали метров пятьсот, и, найдя более пологий подъём, с рёвом вскарабкались на него, оказавшись на правом фланге линии обороны. На них, прямой наводкой было направлено орудие. По-видимому, японцы засекли этот манёвр, и подготовились к их появлению. Сенька, заметив краем глаза опасность, инстинктивно рванул машину в сторону. В следующую секунду, рядом рванул взрыв, засыпав танк осколками и землёй.

– Бей по расчёту, – заорал комбат. С двух пулемётов, одним залпом, длинными очередями, они ударили по орудью. Не успев перезарядить его для следующего выстрела, весь расчёт погиб. Это, можно сказать, везение, и молниеносная реакция водителя, дало им возможность зайти в тыл обороняющихся. На полном ходу они неслись вдоль окопов, не обращая внимания на пехоту, уничтожая артиллерию.

– Лебедев, почему не стреляешь? – заорал Стрельников, бешено глядя на опешившего бойца.

– Патроны кончились, товарищ майор, – глядя на него растерянным взглядом, объяснял тот. В этот момент, пулемёт комбата тоже замолчал. Арсений, в запале боя, продолжал гнать машину вперёд, не понимая, что пулемёты молчат. Японцы, воспользовавшись тем, что прорвавшийся танк перестал наносить урон, выпустили по нему несколько залпов. Взрывом, на полном ходу, снесло гусеницу, и машина встала.

– Быстро навверх, – скомандовал майор, открывая люк. Бандурин с Лебедевым выпрыгнули, укрывшись за гусеницами. По броне посыпался град пуль. Оружие, остановившее их, перезарядившись, готовилось сделать контрольный выстрел.

– Быстрее, товарищ комбат, – закричал Сенька, видя направленный на них ствол. Стрельников молнией выскочил из люка, и со стоном рухнул на землю, держась за ногу. Из-под его рук, с ноги, текла кровь, быстро пропитывая комбинезон.

– Быстрее, отходим, – хватая майора под руки, скомандовал Бандурин. Лебедев схватил его под вторую руку.

– Бегом, бегом, – пригнувшись, таща волоком командира, они отбежали от танка. В этот момент, сзади прогремел взрыв. Лебедев, застонав, упал. Арсений стащил комбата в небольшое углубление в земле. Раненый боец пытался ползти за ними. Видя это, японцы открыли по ним огонь. Пули ложились рядом с ползущим Лебедевым. Сенька кинулся к нему на помощь. Схватив за руку, он поволок его в ямку, где лежал Стрельников. В этот момент пуля пробила его левое плечо, и вышла навывлет, обездвигив руку. Тёплая кровь моментально пропитала комбинезон. Не почувствовав боли, он одной рукой дотянул его, и они вместе скатились вниз. Краем глаза Бандурин увидел, как в их сторону, пригнувшись, бегут самураи. Комбат, корчась от боли, лежал на дне ложбины, сжимая пробитую ногу. Лебедев, держась одной рукой за живот, второй пытался расстегнуть и снять одежду. Арсений достал из кармана три ручных гранаты, и положил перед собой. Взяв одну, он выдернул зубами кольцо и привстал. Пятеро японцев были уже близко. Сенька собрался с силами, и швырнул её, в их сторону. Раздался взрыв. Он взял вторую и пустил следом. Все пятеро упали, кто-то из них крутился на земле, как змея, не могущая перелинять. Бандурин достал из кобуры пистолет, и выстрелил в него. Тот успокоился.

– Что делать будем, товарищ комбат? Опять лезут.

Грохот приближающейся атаки заглушил его слова. Японцы с последних сил сдерживали натиск наступления. Образованная брешь в обороне, пробитая их экипажем прорывом в тыл, позволили развить значительный успех.

– Ну, быстрее же, братишки, – мысленно обращался он к товарищам, рвущим оборону.

Очередная группа японцев пробиралась к танкистам. Арсений открыл по ним огонь из пистолета. Они залегли. Понимая, что с боеприпасами у них туго, самураи продолжили продвижение короткими перебежками. Сделав ещё несколько выстрелов, патроны кончились. Чуть высунув голову, он наблюдал, как те приближались. Рядом, под ухом заработал пистолет комбата. Он подполз к Бандурину, и выпустил обойму. Несколько наступающих упали замертво.

– Всё, – выдохнул Стрельников, – больше нету.

Сенька сжал в руке последнюю гранату, и посильней замахнувшись, выпустил её в их сторону. Рванул взрыв. Японцы опять залегли. В этот момент, через окоп перескочил танк, поливая огнём во все стороны. Через несколько секунд ещё два. На всей скорости к их подбитой машине подлетел Беляев. Он выскочил на ходу из люка, и подбежал к горящему, командирскому танку.

– Ванька, – закричал Сенька. Тот обернулся, и увидел их, лежащих в ложбинке.

– Быстрее сюда, – крикнул он Лёхе. Они подбежали к ним. – Санитаров, быстрее, – заорал он во всю глотку. Тут же подбежала медсестра, и двое с носилками, подоспевшие с пехотой.

– Ну, вы тут держитесь, – взяв за руку Арсения, попрощался Иван, – а мы зараз их добьём. Прыгнув в машину, экипаж Беляева скрылся из виду.

В ходе двухнедельной военной операции, Красная армия понесла неоправданно большие потери. Ответственность за это была возложена на командующего Дальневосточным фронтом, Василия Блюхера. 28 октября 1938 года, он был арестован НКВД, и замучен до смерти. Более 6500 тысяч солдат и офицеров были награждены орденами и медалями, 26 получили звание

героя Советского Союза. Среди награждённых была добрая часть казаков, геройски проявивших себя в боях с японскими интервентами. Но наравне с добытой славой, многие казачьи семьи получили на сыновей похоронки.

Глава 9

– Идут, идут! – вбегая в палату, закричала сестричка, закрывая за собой двери. Раненые зашевелились, распределяясь по своим кроватям. Кто-то быстро собирал карты с тумбочки, где только что шла игра в дурака. Кто-то на костылях ковылял на своё место.

– Фу, надымили-то, – она подбежала к окну, и открыла форточку.

– Да не переживай ты, Сонька, всё будет нормально, – успокаивали её бойцы.

– Ага, не переживай, комиссия всё-таки. Медсестра поправила шторы, и схватив с подоконника какую-то тряпку, сунула её под тумбочку. Арсений сидел на своей кровати, и наблюдал за происходящим. Рядом лежал Стрельников с подвешенной ногой, перевязанной от голени до ягодиц. Лебедев, только что игравший в карты, прибежал и лёг на своё место, придерживая рукой забинтованную грудь.

Вчера всем объявили, что в госпиталь прибудет комиссия. Что за комиссия, никто не знал, но весь медперсонал суетился, наводил порядки и шугал раненых, уже попривыкших к больничной, расслабленной жизни. С вечера во всём госпитале наводили генеральную уборку. И всё же Соня, молоденькая медсестричка, закреплённая за их палатой, нервничала, накрученная главврачом, не зная, что ждать от незваных гостей. Она осторожно выглянула в коридор. Никого не было. У входа, за столом, сидела дежурная медсестра. Сонька вопрошающе мотнула головой. Та ответила ей так же, жестом, показав на соседнюю дверь.

– В первую палату зашли, – занырнув обратно, выдохнула она.

– Сонечка, не бойся, мы тебя не подведём, – улыбаясь, пробасил Стрельников.

– Да, конечно. Смотри, у нас самая образцовая палата во всём госпитале, – поддержал его Лебедев. В этот момент донесся глухой звук, похожий на трехкратное «ура». В коридоре хлопнула дверь, и в их сторону, стуча каблуками, зашагали несколько человек. Дверь открылась, и в палату вошёл командир полка, полковник Уханов, в сопровождении двух офицеров. Раненые попытались встать со своих мест, но он остановил их.

– Сидите, сидите. Все вернулись в исходное положение. – Ну как, товарищи идёт выздоровление?

– Спасибо, товарищ полковник, выздоравливаем, – приподнимаясь, ответил Стрельников. – Благодаря медперсоналу, и в частности, заботе нашей Сонечки, скоро будем в строю.

– Ну, вот и славненько. Не буду вас долго задерживать, перейдём сразу к делу.

Стоявший рядом офицер подал ему список.

– Итак, – начал он зачитывать. – Красноармейцы: Николай Подольский, Григорий Суруханов, Василий Болдырев, Фёдор Лебедев, Егор Пироваров, а также сержанты Тимофей Востриков, Силантий Барников, и Пётр Вознин. За проявленное мужество и отвагу в боях с японскими интервентами, вы представлены к правительственной награде, «медаль за боевые заслуги» и к отпуску сроком на десять суток, с момента выздоровления. Бойцы поднялись. Лебедев, придерживая раненую грудь, вместе со всеми, в один голос, выкрикнул, «Служим трудовому народу!». Второй из ассистирующих офицеров, прошёл и раздал награды. Уханов продолжил.

– Красноармейцы Всеволод Белинин, Борис Федяйкин, Иван Сопирников, Виктор Носов, а также, сержанты Константин Сафронов, Захар Шилин, Арсений Бандурин, и лейтенанты Назар Краснов и Семён Авдеев. За проявленное мужество и отвагу в боях с японскими интервентами, представлены к правительственной награде, ордену Красной звезды, и к отпуску на десять суток, с момента выздоровления.

– Служим трудовому народу!

Радости Арсения не было предела. Он уже не услышал, что полковник зачитал ещё несколько фамилий, награждённых орденом Боевого красного знамени, погружившись в свои размышления.

– Ну надо же, – закрутились мысли в его голове. – Первый бой, и сразу же орден, и ранение. Вот дед обрадуется, когда узнает. И отпуск прям кстати. И по Дашке уже соскучился, сил нет.

Его мысли прервал акцентированно громкий голос Уханова.

– А сейчас, товарищи, переходим к самому главному. Майор Стрельников Ефим Георгиевич, за особые заслуги, награждается высшей правительственной наградой, Звездой Героя Союза Советских Социалистических Республик, и присвоением внеочередного воинского звания «подполковник». Ура, товарищи.

– Ура, ура, ура-а-а, – прокричали все в один голос.

– Поздравляю вас, благодарю за службу, и желаю скорейшего возвращения в строй. До свидания. – Полковник с офицерами вышли. Соня закрыла за ними дверь.

– Вот тебе и комиссия, – крутя орден в руке, задумчиво проговорил один из награждённых.

– Обмыть бы надо, как положено, а братцы. Спиртику бы, – заметил кто-то.

– Кем положено-то? – включился в разговор Арсений.

– Ну как кем? Кем-то до нас.

– Не знаю, не слыхал. Сколь дед, да старики баяли, ни от одного не слыхал, чтобы награды обмывали.

– Ну не хочешь, не обмывай, – махнул на него рукой разохотившийся боец с перевязанной головой.

– Сонь, а Сонь, подсоби со спиртиком-то.

– Да какой спиртик, вы в своём уме? Хотите, чтобы главврач вас вместе со мной под трибунал отдал?

– Ну почему сразу под трибунал? Мы ж чисто символически.

– Нет, не позволю, и думать забудьте.

– Ну, Сонечка, ну что ты ругаешься, ну хоть грамм двести, – продолжал клянчить тот.

– Да успокойся уже, боец, – оборвал его Стрельников, – тебе что, непонятно объяснили?

– Ну вот, а так всё хорошо начиналось, – поняв, что ничего не получится, заключил он.

Лебедев прицепил свою медаль к бинтам, плотно намотанным на его, пробитой осколками, груди. Подойдя к окну, он начал ловить в нём отражение.

– Ну как смотрится, а, Арсений Матвеич?

– Да герой, герой, – ответил ему Бандурин, сам с трудом сдерживая свою радость, что бы внешне никак её не показать. Для него было важно, как оценят его казаки дома, что скажут отец и дед.

– Товарищ майор, – он поправился, – вернее, товарищ подполковник, поздравляю вас с заслуженной наградой. Лихо мы всё-таки к ним прорвались.

– Спасибо, Бандурин, спасибо. И ты молодец, заслуженно получил орден. По прибытии в часть, напишу на тебя приказ, о присвоении внеочередного.

– Благодарствую, товарищ ма..., товарищ подполковник.

– Разрешите обратиться, товарищ подполковник, – подошёл к нему Лебедев.

– Обращайтесь.

– Товарищ подполковник, возьмите меня в свой батальон. Он стоял перед кроватью Стрельникова, вытянувшись по струнке, выпячивая забинтованную грудь с медалью.

– Ну что ж, – сделав задумчивый вид, подыграл важности его обращения комбат. – Учитывая твои боевые заслуги, отмеченные медалью, думаю, можно тебя взять в наш батальон,

но только если Бандурин не будет возражать. Лебедев изменился в лице, не поняв шутки. – Вы не против, товарищ сержант? – продолжал Стрельников с серьёзным лицом.

– Я не против, товарищ комбат. По-моему, красноармеец Лебедев проявил себя геройски и достоин нести дальнейшую службу в бронетанковом батальоне.

– Ну, на том и порешим. – Стрельников улыбнулся.

– Не переживай, Федь, сразу после отпуска, будешь зачислен в мой батальон. Ходатайство о переводе я напишу.

Лебедев расплылся в улыбке.

– Слушаюсь. – Он козырнул.

– Э-э-эх, кто ж руку к пустой голове-то прикладывает? Ладно, иди уже. Комбат махнул рукой. Тот развернулся, как по команде кругом, и зашагал к своей кровати.

– Представляете, товарищ комбат, – не в силах сдерживать эмоции, начал Сенька. Ему хотелось с кем-то непременно поделиться своими мыслями.

– Мой дед, в 1905 году, с японцами воевал, тоже был ранен, и тоже в левое плечо, и «георгием» был награждён. И вот, спустя тридцать три года, история повторилась. Снова Бандурин бьёт японцев, снова ранение и снова орден. Преемственность поколений.

– Да, Арсений Матвеевич, славный у вас род получается. Пока такие люди у нас есть, нам никакой враг не страшен.

– Эх, в отпуск быстрее хочется. Деда с батькой обрадовать.

– Скоро обрадуешь, через месяц наверно, выпишут нас уже.

Сенька лёг на свою кровать, и закрыл глаза. Под шум голосов, обсуждающих свои награды и подвиги, он погрузился в мечты, переплетающиеся с воспоминаниями. Он вспоминал своих родных, деда с отцом, провожающих его в армию, наставления стариков, плачущую Дашу. Ему представлялось, как он придёт в отпуск домой, как пройдёт по станице, блестя орденом. На память пришли их с Дашей мечты, обвенчаться сразу после армии. Её нежные письма, которые она слала ему всю службу. Вдруг, в его голову пришла мысль о том, что ему ещё служить и служить, а в конфликте с японцами не поставлена точка, и что его в любой момент могут убить, как тысячи его товарищей, оставшихся навечно у той высоты, и что он может не успеть жениться и стать продолжателем своего рода.

– Так, – сказал он про себя, – нужно срочно с Дашкой венчаться, вот прям в отпуск приду, и сразу сватов зашлю к дядьке Григорию.

Осенью, когда в станице полным ходом шла уборочная компания, Арсений пришёл на побывку домой. Неспешной походкой он шёл по станице. Новенькая шинель, будёновка, и начищенные до блеска сапоги придавали его походке особый шик. Понимая, что в разгар рабочего дня дома он никого не застанет, Сенька направился напрямиком в сельсовет.

– Здравия желаю, – отчеканил он, входя в кабинет председателя. – Сержант Бандурин прибыл для прохождения отпуска в количестве десяти дней.

– Арсений Матвеевич, вот это сюрприз, проходи, садись. Пустовал, встал из-за стола, и выдвинув стул, жестом пригласил гостя присесть. Сенька, демонстративно сделал несколько строевых шагов к стулу, и сел.

– Ну, рассказывай, как ты, как служба?

– Жив – здоров, служу в бронетанковом батальоне, направлен в отпуск по ранению, – доложил он.

– Да, молодец Арсений Матвеевич, наслышаны мы о вашей службе. От командования благодарность получали. Не посрамили казаки родную станицу. Недаром знать сняли с казаков ограничения на службу.

– Да, Тимофей Аркадьевич, хорошо казаки служат, нареканий нет.

– А где ж тебя поранили то?

– В боях под озером Хасан.

– А, да, слышали, в газетах писали, что японцы опять к нам с претензиями. Ну как там, жарко было?

– Да, жарковато. Много наших погибло да поранило, но задачу мы выполнили.

– Ну и хорошо, по-другому и быть не может, и не будет. Наша армия всем укажет место. Так ведь?

– Так точно.

– Ты дома то был уже?

– Нет, сразу к вам. Мои-то все на работе, поди. Зараз на ферму пойду.

– Так, – председатель встал. – Поехали вместе, там на заднем дворе у меня бричка стоит, сегодня сделаю выходной твоим, пускай героя своего встречают.

– Спасибо, Тимофей Аркадьевич, вот это будет кстати. Они вышли на задний двор. Ездовой поил коня, запряжённого в председательскую телегу.

– Авдеич, давай на ферму, – скомандовал Пустовал.

Через час, вся семья сидела за столом в доме Семёна Евсеевича, с упоением слушая Сенькины рассказы.

Глава 10

На следующий вечер, в доме Григория Метелина, собрались Сенькины сваты. Семён Евсеевич и Матвей сидели рядом. Для торжественного случая, на свой страх и риск, они надели шаровары с красными лампасами, и кресты. Благо далеко в таком виде идти было не нужно. Между их домами, в заборе, была калитка. Бандурины попали к соседям, не выходя на улицу. На груди Арсения красовалась красная звезда. Дед, отец и внук предстали при полном параде. Несмотря на то, что новая власть казачьи лампасы и кресты не жаловала, казаки всё же старались в особо торжественные и памятные моменты одевать их. Григорий с женой сидели напротив. Зная об отношениях Даши и Сеньки, они понимали, зачем пожаловали гости, но всё же, не подавали виду.

– Ну что, Григорий Митрофанович, Прасковья Трифоновна. Вот, пришли Дарью вашу сватать, – начал Семён Евсеевич. – Знать время пришло породниться казакам Бандуриным и Метелиным. Вся жизнь живём мы с вами бок о бок, и с батьками вашими дружили, царствие им небесное. Он перекрестился, все повторили за ним. – Как к детям своим отношусь к вам, и Дарья нам, как родная. Ежели не будете против, хотим взять казачку вашу в снохи. Что ответите на сие предложение? – Григорий переглянулся с женой, и улыбнулся в бороду.

– Да мы не против, Семён Евсеевич, Матвей Семёнович, за вашего Арсения Дарью свою отдать. Вопрос только, не рановато ли? Дочь вроде гутарила, что опосля службы сговаривались, а Сеньке ж ещё пару годов служить. К чаму спешка така? – Арсений от неловкости поёжился.

– То верно, Григорий Митрофанович, ещё служить. Да вот только не мне, старику, тебе казачку, за службу-то рассказывать. Арсения-то поранетого в отпуск отпустили, а через десять дён, опять он на войну отправится, японцев бить, коих мы с твоим батькой в девятьсот пятом годе не доби́ли. Ну, а уж как на войне бывает, ты и без моего знаешь. Там вон сколь казачков-то наших полегло. А ты, друже, знаешь, что род наш казачий нужно сохранять и продолжать. И так, вон сколь нашего брата извели. А коли любовь промеж них имеется, то и неча тянуть. Пускай венчаются, и с Богом. А то, что казачка казака с войны будет ждать, так енто доля её такая. Не она первая, и не она последняя. Мне так думается.

– Верно всё ты гутаришь, Семён Евсеевич. – В голове Григория крутилась мысль о том, что при таком раскладе, дочь может остаться молодой вдовой с ребёнком на руках, но из уважения к Бандуриным, он не стал озвучивать эти мысли.

– Коли Дашка будет не против, то и мы препятствовать не станем. На всё воля Божья. Покличь мать дочь свою, – повернувшись к жене, попросил он. Прасковья Трифоновна встала, и, пройдя в соседнюю комнату, вышла оттуда с дочерью.

– Ну вот, доченька, Арсений Матвеевич сватать тебя пришли, а через десять дён, он обратно на войну пойдёт. Что скажешь? Пойдёшь за него? Даша в смущении опустила голову и присела рядом с отцом. Сенька смотрел на нее, не отрывая взгляда. Его сердце от волнения выпрыгивало из груди, но внешне он был совершенно спокоен.

– Да, пойду, – проговорила она тихонько.

– Ну, ты дочь, хорошо подумай, у Арсения ещё два года службы впереди.

– Я буду ждать. Тебя же мама ждала с войны, вот и я буду ждать. Все казачки казаков со службы ждут, – проговорила она почти шёпотом.

– Эт верно, дочка, – улыбнулся от Дашкиных слов Семён Евсеевич.

– Ну, всё мать, собирай приданое, – обратился Григорий к жене, тоже улыбаясь.

– Да нам собраться, только подпоясаться, – пошутила она. Гриша встал, и, подойдя сзади, к сидящей рядом дочери, положил ей руки на плечи.

– Вот только священника в станице нет, как же без венчания? Зараз, вона как, в сельсовете расписались, и вся недолга, а перед Богом завет, вроде как и не нужен. – Он вопрошающе посмотрел на Семёна Евсеевича.

– Есть вариант, – успокоил его старик. – Без божьего благословения не останемся. Знаю, как в тайге монаха найти. Я с отцом Вячеславом как-то ходил к нему. Он в леса ушёл, ещё в двадцатых. Так и живёт отшельником, Бога молит о нас. Казаки-то, нет нет ходюль к нему, кто на исповедь, кто за благословением. Да и комиссары его вроде не трогают, добраться не могут. Давно я, конечно, у него не был, не знаю, жив ли, но попробовать стоит.

На следующий день Семён Евсеевич организовал две подводы, договорившись с председателем. Погрузившись на них, казаки выдвинулись на поиски монаха. На одной подводе поехали Григорий с женой и дочкой, на другой он с Матвеем и Арсением. Через несколько часов блужданий по лесу, Семён Евсеевич, по ведомым только ему ориентирам, привёл их к нужному месту. Посреди сибирской тайги, в холме, поросшем вековыми соснами и густым кустарником, была оборудована еле заметная землянка. В воздухе носился чуть улавливаемый запах дыма. Дед слез с подводы, и подошёл к двери, поросшей мхом. – Отец Севастьян! – крикнул он. Вокруг стояла тишина. Осенний лес оцетинился своей прохладой. Только лошади, храпя, переговаривались друг с другом. – Отец Севастьян!

– Ну что расшумелся, казак? – Все обернулись на голос, напугавший их своей неожиданностью. Сзади подвод, оперевшись на посох, сделанный из сосновой ветки, стоял седой старичок, в ветхих одеждах. – С чем пожаловали, добрые люди? – Семён Евсеевич подошёл к нему.

– Благословите, батюшка.

– Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь. – Старый монах перекрестил его, и поцеловал.

– Отец Севастьян, – начал он, – дети наши венчаться решили, пред лицом Божиим завет заключить. На Господа уповая, шли мы к тебе. Может, сподобит тебя Бог наш, помочь нам в сиим деле?

– Знаю, знаю, что привело вас ко мне. За то, что Господа не забываете в лихую годину, будет вам благо. С удовольствием совершу таинство Господне, и вместе с вами помолюсь о новой семье. Он подошёл и взял Дашу за руку.

– Пойдём со мной. И ты казак, айда, – зазывающе махнул головой монах, глянув на Сеньку. Тот спрыгнул с подводы, и вошёл за ними в землянку. Они оказались в небольшой комнатке, стены и потолок которой были сделаны из брёвен. В одном углу стояла импровизированная кровать, выполненная в таком же стиле, и устланная хвоей. В другом был стол, на котором лежали какие-то исписанные бумаги, пенёк вместо стула и маленькая буржуйка. На этом нехитрое убранство монашеской кельи заканчивалось. На стенах кругом были иконы, написанные по-видимому углём, и горели лампадки. Монах усадил их на кровать.

– Благословляю вас, дети мои, на долгий и счастливый брак. Бог уготовил нашему народу огромное испытание, которое с честью сможет вынести только любящее Бога сердце, и уповающее на милость Его. Буду молить Господа о вас, чтобы дал вам силы духа пронести веру Христову, через всю свою долгую жизнь, и передать её в чистом виде своим правнукам.

Арсений с Дашей сидели, взявшись за руки. От слов монаха вся их внутренность трепетала. Эта тесная лачуга превратилась в престол Божий. Их обоих охватило присутствие Божье. В этом месте было ощущение спокойствия и защищённости. Будто и не было войны с японцами, не было братоубийственной бойни, не рушили храмы по всей России, и не гноили в лагерях невинный народ. Отец Севастьян говорил и говорил, и с каждым его словом их сердца переполнялись Божьей благодатью.

Через некоторое время они вышли из землянки, держа в руках нарисованные углём иконы Христа – Спасителя и Божьей Матери. Монах отслужил молебен и совершил таинство

венчания прямо в лесу, под открытым небом. По завершении, он подошёл к Арсению, и вложил в нагрудный карман его гимнастёрки свёрнутую бумажку.

– Это молитва «Живые помощи», всегда держи её при себе, а лучше выучи наизусть и в лихую годину молись ею, и Господь отведёт от тебя всякую беду. Сенька поблагодарил его. Потом повернувшись к Матвею, он сказал, – И ты, казак, прими от меня эту молитву, вскоре она и тебе пригодится. – Старый монах протянул ему также свёрнутую бумажку. Матвей взял её. По его спине пробежали мурашки. Было ощущение, что отшельник видит его насквозь. В его пронзительном и глубоком взгляде виделась какая-то неопишуемая мудрость, как – будто он знал всё, что их ждёт в будущем. У Матвея было желание спросить его об этом, но тот дал понять, что на этом всё, и распрощавшись со всеми, ушёл в свою землянку.

К вечеру они уже были в станице. Арсений с Дашкой решили ночевать в летней времянке, на заднем дворе дома Бандуриных. Это была уютная, светлая комнатка. В детстве он часто уединялся в ней, чтобы почитать, или отдохнуть в тишине. Сенька затопил печь, и вскоре, холодный осенний воздух нагрелся, и от этого тепла, стало по – домашнему уютно. Даша немного стеснялась. Всё так быстро произошло, и ей с трудом верилось, что теперь они законные муж и жена, в Богом венчанном браке. И теперь они, вчерашние влюблённые в друг друга дети, стали одной плотью. И что её мужу через неделю нужно идти на войну.

Эта неделя, пролетела как один день. Они были счастливы, упиваясь своей любовью, но отпуск заканчивался, и уже завтра нужно было расставаться.

В это утро Арсений проснулся раньше обычного. Полночи он не мог заснуть. Близость расставания навевала тревожные мысли. Он лежал и смотрел на спящую жену. Её красивое, девичье лицо, в свете луны было ещё прекрасней. Ему хотелось сохранить в памяти её образ. Сенька аккуратно, чтобы не разбудить Дашу, поглаживал её длинные волосы, раскинутые по кровати. Он мысленно благодарил Бога за этот подарок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.